

**ЦЕНТР ИНТЕГРАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОЕКТОВ**
Санкт-Петербургская региональная общественная
организация «БАЛТИЙСКИЙ КЛУБ»

**РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
РОССИЙСКО-БАЛТИЙСКИХ
ОТНОШЕНИЙ**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2004

Л.А. Карабешкин, председатель Санкт-Петербургской региональной общественной организации «Балтийский клуб» – ответственный редактор; *Б.В. Кузнецов*, директор Центра интеграционных исследований и проектов; *Е.В. Клицунова*, директор программ Центра интеграционных исследований и проектов.

Leonid Karabeshkin, Chairman of St.-Petersburg Regional Non-Governmental Organisation “Baltic Club” – Executive Editor; *Boris Kuznetsov*, Director of Centre for Integration Research and Projects; *Elena Klitsounova*, Program Director of Centre for Integration Research and Projects.

Перевод и редакция англоязычного текста:

Елена Насыбулина, Мария Базилевская,
Ирина Носова-Зуева, Инесе Лоце.

Translation into English and edition:

Elena Nasybulina, Maria Bazilevskaya,
Irina Nosova-Zueva, Inese Loce.

Публикация осуществлена Центром интеграционных исследований и проектов в сотрудничестве с Санкт-Петербургской региональной общественной организацией «Балтийский клуб» при поддержке Датской ассоциации Атлантического договора и Датской общественной организации «Развитие диалога» в рамках проекта «Публичная политика в сфере мягкой безопасности и демократического развития: Балтийское измерение».

The publication has been carried out by the Centre for Integration Research and Projects in cooperation with St.-Petersburg Regional Non-Governmental Organisation “Baltic Club” with support from Danish Atlantic Treaty Association and Danish NGO “Dialogue Development” in framework of the project:

“Public Policy in the Sphere of Soft Security: the Baltic Dimension”

КНИГА ИЗДАНА ПРИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПОДДЕРЖКЕ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ФОРУМА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ (НОФМО), МОСКВА.

THE BOOKLET PUBLISHED WITH ORGANISATIONAL SUPPORT OF THE ACADEMIC EDUCATIONAL FORUM ON INTERNATIONAL RELATIONS, MOSCOW

Региональное измерение российско-балтийских отношений. The Regional Dimension of the Russian-Baltic Relations / Под. ред. Л.А. Карабешкина. – СПб., 2004. – 208 с.

ISBN 5-901981-09-X

Публикация является итогом одноименного исследовательского проекта, проведенного Центром интеграционных исследований и проектов в сотрудничестве с СПбРОО «Балтийский клуб» в 2003 – 2004 гг. Анализируется современное состояние и перспективы улучшения отношений России с Эстонией, Латвией и Литвой в контексте использования позитивного потенциала сотрудничества регионов российского Северо-Запада со странами Балтии. Отдельное внимание уделяется взаимоотношениям между населением и властью.

Для широкого круга читателей, интересующихся современными тенденциями в политике и экономике региона Балтийского моря.

ISBN 5-901981-09-X

© Коллектив авторов, 2004

© Дизайн обложки Ю. Камаев, 2004

© Центр интеграционных исследований и проектов, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Региональные аспекты российско-балтийских отношений. Российский и русский факторы в политике стран Балтии (Тезисы Центра интеграционных исследований и проектов)	5
---	----------

I. Сотрудничество российских регионов и стран Балтии

Александр Сергунин

Регионализация в регионе Балтийского моря: восприятие российских элит	17
---	----

Александр Сонгаль

Калининградская область РФ как фактор и субъект балтийской политики России	35
--	----

Игорь Верходанов

Новгородская область и страны Балтии: современное состояние и тенденции сотрудничества	51
--	----

Леонид Карабешкин

Дмитрий Нечипорук

Дмитрий Лебедев

Сотрудничество Псковской области с Латвией и Эстонией: власть и общество	63
--	----

II. Россия и русские в политике стран Балтии

Гедиминас Виткус

Виргилиус Пугачаускас

Российский фактор литовской политики	73
--	----

Илья Никифоров

Эстония и Россия. Эстонцы и русские	87
---	----

Андрис Спруде

Бизнес-фактор в российско-латвийских отношениях: сотрудничество и конкуренция	101
---	-----

Об авторах	204
----------------------	-----

CONTENTS

The regional aspects of the Russian-Baltic cooperation. Russia's and Russian factor in the policies of the Baltic States (Theses of the Center for Integration Research and Projects)	109
--	-----

I. Cooperation of Russia's regions with the Baltic States

Alexander Sergounin	
Regionalisation around the baltic sea rim: perceptions of russian elites	119
Alexander Songal	
The Kaliningrad Oblast of the Russian Federation as a Factor and Subject of Russia's Baltic Policy	135
Igor Verkhodanov	
The Novgorod Oblast and the baltic States: Current state of affairs and trends of co-operation	151
Leonid Karabeshkin	
Dmitry Nechiporuk	
Dmitry Lebedev	
Cooperation of the Pskov region with Latvia and Estonia: power and society	161

II. Russia and Russians in the Baltic politics

Gediminas Vitkus	
Virgilijus Pugačiauskas	
Lithuanian Politics and the Russian Factor	171
Ilja Nikiforov	
Estonia and Russia. Estonians and Russians	185
Andris Spruds	
A business factor in Russian-Latvian relations: cooperation and competition	199
The authors	205

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
РОССИЙСКО-БАЛТИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА.
РОССИЙСКИЙ И РУССКИЙ ФАКТОР
В ПОЛИТИКЕ СТРАН БАЛТИИ**

Центр интеграционных исследований и проектов и «Балтийский клуб» в конце 2003 г. инициировали исследовательский проект с целью изучения перспектив и возможностей российско-балтийского сотрудничества с акцентом на его региональную составляющую. Настоящие тезисы подготовлены с учетом мнений и оценок, изложенных экспертами, любезно откликнувшимися на предложение принять участие в проекте. Отдельное внимание в докладе уделяется динамике общественного мнения в российских приграничных регионах (Псковской, Новгородской, Калининградской областях) и странах Балтии по отношению друг к другу, наличию запросов заинтересованных групп (населения, бизнеса), адекватности коммуникаций между политическими элитами и обществом, экономическим, политическим, социальным, гуманитарным факторам, способствующим и препятствующим развитию трансграничного и приграничного сотрудничества.

I. Российско-балтийские отношения: потенциал и препятствия для развития в контексте регионального сотрудничества

Потенциал развития отношений российских регионов со странами Балтии определяется целым рядом факторов, среди которых можно выделить:

– Наличие исторически сложившихся связей, повышающих плотность культурно-гуманитарных и экономических контактов, сложившихся в советский и более ранние периоды. Богатый опыт сотрудничества Северо-Запада России и стран Балтии основывается на традициях производственной кооперации, существовавших единых управленческих системах в различных областях общест-

венной жизни, устойчивых контактах в сфере образования и культуры и т.д.

– Опыт сотрудничества в значительной степени снижает степень предубежденности как населения, так и региональной элиты к странам Балтии, несмотря на наличие противоречий между Россией и этими государствами (в сфере соблюдения прав национальных меньшинств, вступления стран Балтии в НАТО и т.д.) и сформировавшийся их негативный имидж в России. К примеру, по данным опросов 40 – 50% населения Псковской и Калининградской областей позитивно относятся к соседним странам Балтии – Эстонии, Латвии и Литве, что значительно выше, чем в среднем по России.

– В странах Балтии в основном завершился период национально-государственного строительства, основанный на внутривнутриполитической консолидации и привлечении политического внимания и экономической помощи Запада за счет эксплуатации образа внешнего врага, на роль которой была избрана бывшая метрополия. Политическая дискуссия в странах Балтии все больше наполнена рутинными вопросами, характерными для стран с традиционной устоявшейся демократией.

– В условиях, когда в общероссийском масштабе проблемы отдельных регионов Северо-Запада России имеют периферийное звучание, страны Балтии могут играть роль лоббистов интересов этих регионов в Брюсселе с учетом все возрастающего влияния процессов европейской интеграции на приграничные регионы России. Это осознают и некоторые страны Балтии. В частности, Литва играет такую роль по отношению к Калининградской области, тем самым, повышая свое значение в европейской политике. Это отвечает и интересам российских регионов, привлекая дополнительное внимание Москвы.

– Российские регионы все больше осознают свои специфические интересы в области внешних связей и трансграничных экономических контактов и лоббируют свою линию на федеральном уровне. Как показывает практика, при желании регионы могут добиваться успешных результатов, которые, впоследствии, однако, могут быть сведены на нет в результате недостаточного внимания федерального центра.

– Приграничные регионы имеют и уже начинают реализовывать потенциал для участия в решении внешнеполитических задач

федерального значения. Перспективным направлением является поддержка соотечественников в странах Балтии, заявленная в числе приоритетных задач российской внешней политики на современном этапе. К примеру, Новгородская область принимает участие в организации образовательных программ для русскоязычных жителей Эстонии, а также содействует в организации оздоровительного отдыха ветеранов Великой Отечественной войны, проживающих в странах Балтии. Псковская область традиционно играет роль образовательного центра педагогических кадров для русскоязычных учебных заведений стран Балтии.

– Русскоязычные общины стран Балтии являются естественным фактором, способствующим развитию гуманитарных и экономических связей со своей исторической родиной. Полноценная интеграция общества на основе билингвизма и мультикультурности, снижение степени напряженности вопросов, связанных с соблюдением прав национальных меньшинств, повышение значения русскоязычных в общественно-политической жизни своих стран будет оказывать положительное воздействие на состояние российско-балтийских отношений.

– Сохранение значения русского языка в общественной жизни стран Балтии будет способствовать интенсификации отношений стран Балтии и России, в том числе ее северо-западных регионов, реализации странами Балтии функции «моста между Востоком и Западом».

– В последние годы наблюдается тенденция активизации балтийского бизнеса в российских приграничных регионах. Осуществляются инвестиционные проекты в строительстве, пищевой, лесобрабатывающей, транспортно-транзитной и других отраслях. В большинстве регионов Северо-Запада после периода падения наблюдается рост внешнеторгового оборота со странами Балтии. Бизнес все более активно влияет и на деятельность органов власти как в российских приграничных областях, так и в странах Балтии, направленную на улучшение двусторонних отношений и развитие инфраструктуры сотрудничества. Кроме того, с учетом планируемых реформ в целом ряду областей (жилищно-коммунальная, ад-

министративная) в России, большой интерес представляет опыт стран Балтии, во многом их уже осуществивших¹.

– Расширение ЕС и унификация торгового режима привели к отмене дискриминационных таможенных норм в торговле с Эстонией. Впрочем, как признают эксперты, и до 1 мая 2004 г. двойные таможенные пошлины не являлись существенным препятствием для двусторонней торговли и успешно обходились предпринимателями (в частности, через создание совместных предприятий с третьими странами, использование механизмов свободных экономических зон). Россия занимает ведущее положение во внешней торговле стран Балтии среди стран – не членов ЕС.

– Настороженно-негативное отношение к российскому капиталу в странах Балтии постепенно меняется на более позитивное. Одновременно, российские предприятия проявляют все больший интерес к инвестированию в странах Балтии, используя их и в качестве платформы для выхода на рынок ЕС, и для производства на российский рынок. В частности, с участием ФГУП «Уралвагонзавод» создано Ахтмеское вагоноборочное предприятие (Северо-Восток Эстонии). Интерес к развитию сборочного производства на этой базе проявляют и другие предприятия.

– Привлекательность стран Балтии определяется относительно развитой транспортной и финансовой инфраструктурой, политической, экономической и правовой стабильностью, наличием квалифицированных трудовых ресурсов.

– Растет интерес предпринимательских и финансовых кругов стран Балтии к России. Не претендуя на развитие бизнеса в масштабах всей России, они рассматривают рынок Северо-Запада России как интересный для инвестиций. Эксперты полагают, что связанное с вступлением в ЕС неизбежное удорожание факторов производства будет стимулировать компании стран Балтии переносить отдельные производства в приграничные области России, а возрастающая конкуренция на европейских рынках – искать новые возможности для развития бизнеса в России. Система субсидирования экспорта повышает конкурентоспособность некоторых групп товаров на внеш-

¹ Изучение этого опыта стало предметом ряда других проектов Центра интеграционных исследований и проектов. См., к примеру, материалы семинара «Местное самоуправление в странах Балтии на Северо-Западе России: новые перспективы сотрудничества» - www.cirp.ru

них рынках. Определенным капиталом являются и бренды, знакомые российскому потребителю с советских времен. Одновременно, расширяется финансовая инфраструктура экономического сотрудничества. Балтийские банки расширяют свои лимиты финансирования проектов на территории России, а российские – открывают представительства в балтийских столицах.

– Успешно развивается сотрудничество в области туризма. Растет число как российских туристов в странах Балтии, так и в обратном направлении. Это, в свою очередь, подстегивает и развитие туристической и транспортной инфраструктуры. Эстонская компания «Таллинк» в 2004 г. открыла новый паромный маршрут Таллин – Санкт-Петербург – Хельсинки – Таллин и объявила о планах финансового участия в модернизации инфраструктуры морского туризма и строительстве гостиницы в Санкт-Петербурге. Развивается автобусное сообщение между регионами Северо-запада России и странами Балтии. Обсуждается вопрос о подключении России к реализации проекта «Рэйл Балтика».

Несмотря на наличие предпосылок к активизации сотрудничества регионов российского Северо-Запада со странами Балтии, существует и ряд препятствий – как на региональном, так и на федеральном уровне:

– Сохраняется высокая степень зависимости отношений приграничных регионов российского Северо-Запада и стран Балтии от конъюнктуры российско-балтийских отношений и неэффективной бюрократии различных ведомств. Политическая напряженность в российско-балтийских отношениях, негативно отражающаяся и на экономическом взаимодействии (в первую очередь, в транзитной сфере), имеет свои последствия и для приграничных регионов России. К примеру, прекращение транзита нефти в направлении Вентспилса привело к сокращению рабочих мест в обслуживании и налоговых поступлений в Псковской области, где пролегает трубопровод.

– Зачастую, вместо отстаивания своего видения перспектив приграничного и трансграничного сотрудничества на уровне федерального центра, регионы в лице органов власти предпочитают идти в русле федеральной политики как они ее представляют. Необходимость согласования тех или иных проектов на федеральном уровне ведет к неоправданной затяжке их реализации. Характер-

ным примером является проект восстановления водного грузопассажирского сообщения между Псковом и Тарту, открытие которого неоднократно откладывалось.

– Негативно можно оценить принятые Федеральным собранием и подписанные в августе 2004 г. Президентом РФ поправки в Закон РФ «О государственной политике по поддержке соотечественников за рубежом» (1999), которые ограничивают права субъектов Российской Федерации по поддержке соотечественников в части расходования бюджетных средств. С учетом того, что в сложившихся условиях данное направление политики находится в ведении федерального центра, необходимо делегирование соответствующих полномочий регионам.

– Несмотря на сделанные шаги по улучшению работы консульских и погранично-таможенных служб как с российской, так и с балтийской стороны, их работа пока еще не до конца удовлетворяет растущему потоку жителей сопредельных стран. Представляется, что присоединение стран Балтии к Шенгенской зоне (ориентировочно в 2006-2007 гг.) будет способствовать повышению возможностей для мобильности (в первую очередь, российских граждан) в регионе Балтийского моря, развитию новых проектов в экономике (в первую очередь, в области транспорта и туризма). Это, в свою очередь, будет способствовать восстановлению традиционных (в частности, восстановлению транзита в направлении Калининградской области через Латвию-Литву) и развитию новых трансграничных транспортных потоков, что требует учета при работе пограничных, таможенных и консульских служб.

– Экономическое сотрудничество российских приграничных регионов и стран Балтии носит несбалансированный характер. Нестабильность внешнеторговых связей во многом объясняется их монокультурностью, когда существенная часть товарооборота состоит из экспортных поставок нескольких крупных предприятий. Хотя расширение ЕС уже стало реальностью, с российской стороны сохраняется недостаточное знание норм и процедур ЕС. Регионы российского Северо-Запада пока не выработали четкой стратегии развития своих внешних и внешнеэкономических связей. В настоящее время их основой остаются преимущественно личные связи и интересы отдельных компаний.

– Сдерживающими факторами для развития экономического сотрудничества является технологическая и экологическая отста-

лость российских предприятий, а также отсутствие налаженной финансовой инфраструктуры. Инвестиции из стран Балтии пока носят локальный характер, а их суммы – незначительны.

– Осознание недостаточной конкурентоспособности зачастую вызывает настороженное отношение к проектам приграничного и трансграничного сотрудничества в российских регионах как отвечающих в первую очередь интересам их балтийских контрагентов.

– Несмотря на наличие совпадающих интересов, в отношениях регионов российского Северо-Запада и стран Балтии сохраняется конкуренция в экономической сфере (в первую очередь, в области транзита), а проекты совместного сотрудничества пробуксовывают (к примеру, проект К2, направленный на оптимизацию грузопотока портов Калининград и Клайпеда).

– Препятствием для сотрудничества являются существенные различия в административном устройстве, полномочиях и финансовой обеспеченности российских и балтийских регионов, районов (уездов), муниципалитетов.

– Развитие отношений со странами Балтии не находится в числе первостепенных приоритетов для властей крупнейшего мегаполиса региона – Санкт-Петербурга. Во многом такая ситуация определяется низким уровнем торгово-экономических отношений (в отличие, к примеру, от Псковской или Новгородской областей). В 2003 г. доля стран Балтии во внешнеторговом обороте Санкт-Петербурга составила суммарно 1,6% . Основная часть приходится на товарооборот с Эстонией, который продемонстрировал в 2003 г. значительный рост. При этом Эстония занимает 23 место в ряду внешнеторговых партнеров Санкт-Петербурга.

– Отношения с Россией не находятся в числе приоритетных интересов населения, в частности, в ходе выборных кампаний, в странах Балтии. Тем не менее, можно констатировать рост заинтересованности населения стран Балтии в развитии экономических и культурных связей с Россией. Кроме того, эксперты указывают на снижение степени понимания балтийскими элитами политической действительности в России и интереса к развитию отношений с Россией.

Одновременно, определенные политические силы в предвыборных целях продолжают противопоставлять развитие отношений с Западом и Россией.

– До настоящего времени не сформировалось полноценное интегрированное информационное пространство в регионе Балтийского моря. Существенно присутствует центральные российские СМИ, однако балтийская тематика носит в них периферийный характер, а, зачастую, способствует мультиплицированию негативных образов и предубеждений. Не всегда объективно предстает и Россия в СМИ стран Балтии. Горизонтальные внутрирегиональные каналы информации недостаточно развиты, что способствует еще большей десинхронизации процессов политического и экономического развития в сопредельных странах и регионах.

II. Сценарии

Развитие отношений российских регионов и стран Балтии в обозримой перспективе будет находиться под разнонаправленным влиянием целого ряда факторов, среди которых – состояние российско-балтийских межгосударственных отношений, диалога между Россией и Евросоюзом, в том числе – по формированию общих пространств, экономического развития в России и странах Балтии, вектора эволюции федеративных отношений в России и т.д. В учет этого, можно говорить об оптимистическом и пессимистическом сценариях развития событий.

– Реализация *оптимистического сценария* предполагает дальнейшее нарастание плотности гуманитарных и экономических контактов между российскими регионами и странами Балтии. Растущий интерес населения и региональных бизнес групп ведет к повышению значения балтийской проблематики в шкале приоритетов региональных властей. Регионы российского Северо-Запада вырабатывают стратегию развития отношений со странами Балтии, в том числе на уровне административных единиц и муниципалитетов.

Улучшается координация между региональными властями и федеральными органами власти на местах. Федеральный центр осознает, что преимущества трансграничного сотрудничества преобладают над рисками, между регионами и Федерацией устанавливается системное конструктивное взаимодействие, направленное на решение вопросов, связанных с трансграничным и приграничным сотрудничеством. Возможно, учитывая ограниченные финан-

совые возможности регионов, федеральный центр изыскивает возможности материальной поддержки проектов сотрудничества.

Одновременно, расширяется количество инструментов сотрудничества со стороны фондов ЕС и стран Балтии. Странам Балтии вырабатывают целостную линию своей политики в отношении регионов российского Северо-Запада с учетом новых возможностей, открывающихся в связи со вступлением в ЕС, в контексте политики Евросоюза в отношении России и приграничных регионов, в частности – инициативы «Расширенная Европа – новое соседство». Первым примером стала инициатива Литвы по развитию отношений с северо-западными регионами России, выдвинутая весной 2003 г. Представляется целесообразным перевод ее на практические рельсы. Нельзя исключать, что определенные ресурсы для решения трансграничных задач могут открыться в связи с реализацией инициативы США e-PINE («Упроченное партнерство в Северной Европе»), пришедшей осенью 2003 г. на смену Северо-Европейской инициативе.

Позитивная динамика региональных контактов постепенно находит свое отражение и на уровне межгосударственных отношений. В свою очередь, Россия и страны Балтии предпринимают энергичные усилия для нормализации двусторонних отношений, без которых реализация оптимистического сценария остается под вопросом.

В этой связи, малоперспективным представляется ориентация России на отдельные, более лояльные к России, политические силы в странах Балтии. Отношения с Россией остаются предметом консенсуса различных политических сил. В определенных условиях эти партии могут разыгрывать «русскую» или «российскую» карту как в как в благоприятном, так и неблагоприятном для России ключе. В любом случае, оказавшись у власти, «пророссийские» политические силы не могут кардинально изменить систему внешнеполитических приоритетов и встречают активное противодействие со стороны основной части национальных элит, что негативно отражается на российско-балтийских отношениях.

России следует реализовывать более действенную, наполненную реальным содержанием и подкрепленную соответствующими материальными ресурсами политику по отношению к соотечественникам. Приоритетной целью такой политики должно стать со-

действие интеграции русскоязычных в активную общественную и политическую и экономическую жизнь стран своего проживания.

Это станет дополнительным фактором в пользу изменения вектора отношений с Россией в благоприятную сторону. Кроме того, переход от риторики к целостной и подкрепленной ресурсами политике поддержки соотечественников ослабит критику России в том, что она использует эту тему для реализации своих внутривнутриполитических и внешнеполитических интересов, не связанных с собственно поддержкой соотечественников, в т.ч. в качестве инструмента давления на страны Балтии.

Активное российско-балтийское сотрудничество по оптимистическому у сценарию способствует постепенному преодолению разрыва в уровне экономического развития. Эта задача актуальна не только для приграничных регионов России, но и стран Балтии – депрессивных Северо-Востока Эстонии и латвийской Латгалии, где проживает преимущественно русскоязычное население. Позитивная динамика регионального сотрудничества будет иметь перетекающий эффект и на характер российско-европейских отношений с учетом намеченных шагов по формированию общих пространств. Оптимистический сценарий будет способствовать повышению безопасности в регионе Балтийского моря и, в целом, в Европе.

– По *пессимистическому сценарию* приграничное и трансграничное сотрудничество не сможет приобрести системный характер, сохранив свою зависимость от личных связей отдельных чиновников и интересов крупных экономических групп. Реализация этого сценария возможна на фоне дальнейшей стагнации российско-балтийских отношений, недостаточной координации между федеральными и региональными органами власти, сохранения опасений федерального центра относительно развития внешних связей российских регионов, отсутствия серьезных инициатив сотрудничества с регионами российского Северо-Запада с балтийской стороны, недостаточного объема и низкой степени координации финансовых инструментов сотрудничества ЕС. Результатами пессимистического сценария могут стать усиление диспропорций социально-экономического развития между приграничными регионами ЕС и России (с учетом того, что страны Балтии имеют доступ к финансированию структурных фондов Евросоюза в области сельского хозяйства (развития сельских территорий) и транспорта), усугубление

социальных проблем по обеим сторонам границ, ослабление накопленного потенциала сотрудничества в гуманитарной и экономической областях, нарастание конкуренции между регионами Северо-Запада России и стран Балтии. Как следствие, на границе будут по-прежнему преобладать теневые и полуправильные варианты сотрудничества, не будет реализован позитивный потенциал региональных связей для качественного прорыва в российско-балтийских межгосударственных отношениях и реализации внешнеполитических задач общегосударственного значения.

Заключение

Развитие связей российского Северо-Запада и стран Балтии будет определяться как традиционными связями, сформировавшимися в советский период и ранее, так и взаимной заинтересованностью населения, бизнеса и власти регионов. Налицо как серьезный потенциал, так и проблемы в развитии трансграничного и приграничного сотрудничества, которые, в большинстве своем, носят преодолимый характер. Реализация оптимистического сценария требует от всех акторов наличия политической воли, целостной стратегии, учитывающей особые интересы регионов, привлечения бизнеса и расширения круга населения, участвующего в различных формах трансграничного и приграничного сотрудничества.

I. СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ И СТРАН БАЛТИИ

Александр Сергунин

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ В РЕГИОНЕ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ: ВОСПРИЯТИЕ РОССИЙСКИХ ЭЛИТ¹

Глобализация и регионализация – две стороны одной медали, и, в то же самое время, наиболее примечательные феномены современного мира. Они не столько исключают, сколько дополняют и усиливают друга. Регион Балтийского моря – место, где процессы регионализации – как внутренние, так и международные – особенно динамичны. Региональное сотрудничество приносит определенные плоды участвующим в нем странам, институционализовавшись в форме региональных и субрегиональных организаций, совместных проектов, побратимских соглашений, активности неправительственных организаций. Однако, регионализация как амбивалентный процесс несет не только возможности, но и вызовы, с которыми может справиться не каждое государство, социальная группа или институт. Поэтому феномен регионализации (как и глобализации) находится в центре горячих дискуссий во всех странах региона.

Целью данной статьи является исследование российской политической дискуссии о регионализации в регионе Балтийского моря, которая имеет место в среде национальной и местных элит. В частности, исследование фокусируется на различных политических школах в России и стратегиях, которые они предлагают перед лицом вызовов регионализации.

Дискурс о регионализации в России

Российское восприятие региона Балтийского моря в период после «холодной войны» было достаточно противоречивым. Осознание новой повестки дня регионального сотрудничества оказалось трудной задачей для местных и федеральных элит. С одной сторо-

ны, развитие в регионе предъявило России новые вызовы – расширение НАТО и ЕС, напряженность в отношениях со странами Балтии, деградация социально-экономической и экологической систем на Северо-Западе России и т.д. С другой стороны, регион предоставил многочисленные возможности для сотрудничества. Северо-западные регионы России – Калининградская, Новгородская области, Карелия, Санкт-Петербург – относятся к наиболее продвинутым субнациональным единицам в плане рыночных реформ и интеграции в европейскую экономику.

ЕС проявил свой интерес к сотрудничеству с Северо-Западом России в таких областях как энергетика, транспорт, здравоохранение и охрана окружающей среды. Чтобы подкрепить сотрудничество соответствующими институциональными рамками, ЕС запустил инициативу «Северного измерения» (СИ). В 1997 г. США предложили Северо-Европейскую инициативу² (СЕИ), также нацеленную на поддержку различных форм субрегионального сотрудничества.

Российские элиты, в целом, были застигнуты врасплох проектом «Северного измерения» и другими производными от динамики регионализации инициативами. Формулирование официальной стратегии Москвы в отношении инициативы ЕС (Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом на среднесрочную перспективу (2000-2010), осень 1999) и более менее качественный академический анализ вопроса заняли почти два года³.

Регионализация на Балтике предъявила пять основных вызовов традиционному политическому мышлению в России:

Во-первых, регионализация обозначила сдвиг от «жесткой» к «мягкой» безопасности. Это было в новинку для российского стратегического планирования, приученного к тому, что Крайний Север и Северо-Запад всегда были зонами конфронтации с Западом (от периода Тевтонского ордена в Средневековье до НАТО во время «холодной войны»). В регионе были сконцентрированы крупные военные ресурсы – как ядерные, так и конвенциональные, а военные всегда имели последнее слово в определении будущего региона.

Во-вторых, развертывающиеся процессы регионализации явились вызовом для ключевых принципов европейской архитектуры безопасности в период после «холодной войны» с ее упором на

неделимости безопасности. В настоящее время безопасность может быть описана в региональных терминах, где регион или субрегион (как Северная Европа) становится все более безопасным, что достигается без создания соответствующего режима, охватывающего весь континент. Это, в свою очередь, ставит под сомнение роль традиционных организаций (ОБСЕ и НАТО) как основных инструментов поддержания безопасности в Европе. С этой точки зрения, регионализация подрывает основу традиционной политики безопасности, реализуемой Россией и нацеленной на превращение ОБСЕ в основной общеевропейский институт безопасности.

В-третьих, региональные и субрегиональные проекты предоставляют России больше возможностей для выбора и инициативы. Обычно Россия должна была играть по правилам, определенным Западом с самого начала. Такие проекты, как «Северное измерение», имеют более свободные рамки, предоставляющие всем партнерам равные возможности участия и самостоятельного определения своего вклада в сотрудничество. Такая ситуация ставит перед Россией задачу определиться с приоритетами сотрудничества – энергетикой, охраной окружающей среды, общественным развитием, борьбой с организованной преступностью и т.д. Очевидно, что ни Москва, ни местные власти не были готовы реализовать предоставленные возможности. Российские традиционалисты провалы новых совместных инициатив (СИ и СЕИ) предпочитали использовать для обвинения Запада в отсутствии сотрудничества и доброй воли, нежели проявлять инициативу в выработке нового политического курса.

В-четвертых, ситуация в регионе Балтийского моря, сложившаяся после окончания «холодной войны», выявила тот факт, что Москва недооценила роль регионализма / субрегионализма / трансрегионализма – как во внутри-, так и во внешнеполитическом контексте. В первом случае, Москва рассматривала регионализм как продолжение или расширение крайне централизованной федеральной политики на местном уровне. Во втором случае, Россия рассматривала региональное и субрегиональное сотрудничество либо в качестве недостаточно приоритетной задачи (по сравнению с «большой политикой»), либо как дополнительное пространство для дипломатического маневра (если «большая стратегия» не увенчается успехом). Как результат, Москва с подозрением отнеслась к региональной / субрегиональной природе таких проектов,

как «Северное измерение». Федеральное правительство беспокоило возможное усиление сепаратистских тенденций в регионах российского Северо-Запада (особенно в Калининграде и Карелии) как результат их более глубокой вовлеченности в субрегиональное сотрудничество. Только со временем Москва осознала, что субрегионализм несет больше выгод, нежели издержек, и стала рассматривать Северо-Запад как исключение или «пилотный регион»⁴.

Наконец, регионализация стала вызовом для российского традиционного концепта национального суверенитета. Изначальная позиция Москвы основывалась на том, что все российские регионы – неотъемлемая часть Российской Федерации, имеющие равный статус. Международное сотрудничество не должно поднимать вопросы принадлежности регионов России и вызывать диспаритета между различными регионами через вовлечение отдельных территорий в более тесное сотрудничество и отторжение других. Изначально Москва опасалась, что инициативы, направленные на регионализацию, могут усилить подобные различия и вызвать нездоровую межрегиональную конкуренцию. Россия настаивала, что в состоянии самостоятельно решить проблемы своих регионов (даже в случае с Калининградом).

Однако, со временем, Москва осознала, что Запад не подвергает сомнению территориальную целостность России, а через вовлечение северо-западных регионов России в приграничное и трансграничное сотрудничество Запад стремится скорее к созданию зоны стабильности и экономического процветания, а не дезинтеграции страны. Предпочтения Москвы постепенно смещались от полуизоляционистских и односторонних сценариев поведения к кооперативной модели и позитивному отношению к многосторонним решениям (что было продемонстрировано в случаях с Калининградом и Карелией).

Тем не менее, необходимо отметить, что многие элементы традиционного мышления сохраняются, а современное восприятие регионализации в регионе Балтийского моря представляет из себя комбинацию различных школ и подходов. В значительной степени современный дискурс исходит из реалистических и геополитических оснований, ставящих во главу угла государственные границы и отдающих приоритет ядру по отношению к периферии. Согласно этой школе, российская национальная идентичность неразрывно связана с российским государством, оставляя мало пространства

для регионов и региональности. Остается чувствительным вопрос государственных границ, которые рассматриваются скорее как инструмент исключения и контроля, а не интеграции и приграничного сотрудничества.

Российская дискуссия о регионализации в регионе Балтийского моря развивается относительно медленно, и к настоящему времени границы различных школ слабо разграничены. С некоторыми исключениями, можно идентифицировать четыре основных подхода к регионализации, распространенные среди политической и академической элиты:

1. Политические реалисты и геополитики относятся к регионализации – как на субнациональном, так и международном уровнях – скорее настороженно. С точки зрения внутренней политики, как они считают, регионализация в России и разделение властных полномочий ведут к хаосу в законодательной сфере, связанному с противоречиями федерального и местного законодательства, росту неравенства и нездоровой конкуренции между регионами, ослаблению партийной системы, поощряет подъем авторитарных режимов в некоторых субнациональных образованиях (особенно, в национальных республиках), способствует национализму и сепаратизму, которые, в свою очередь, могут привести к дальнейшей дезинтеграции страны⁵.

С точки зрения внешних последствий, реалисты и геополитики рассматривают регионализацию как часть традиционной «силовой игры», но на региональном, а не глобальном уровне. С этой точки зрения, большинство сильных игроков запускают региональные / субрегиональные проекты, чтобы закамуфлировать свои действительные намерения: с учетом более благоприятного и менее напряженного периода после «холодной войны», они пытаются упаковать свое доминирование в красивую подарочную обертку вместо демонстрации откровенной силы.

Реалисты и геополитики рассматривают «Северное измерение» ЕС и Северо-Европейскую инициативу США, а также концепт Северной Европы, в качестве проявления присущего геополитического соперничества между Россией и Западом. В отличие от предыдущих периодов, Запад предпочитает замещать политические инструменты давления на Россию экономическими. Целью политики ЕС и США является закрепление статуса России как «млад-

шего партнера» Запада и источника дешевых сырьевых ресурсов и рабочей силы. Согласно этой школе, Запад не заинтересован в возрождении местной экономики и планирует превратить Северо-Запад России в не более чем транзитный пункт, что означает направление инвестиций преимущественно на развитие транспортной инфраструктуры, а не модернизацию промышленности и сельского хозяйства региона.

Некоторые реалисты уверены, что ЕС – всего лишь инструмент для германских геополитических амбиций: Берлин мечтает о возвращении бывшей Восточной Пруссии в «Германскую империю». В качестве шага на пути осуществления этого плана может быть установлен тот или иной вариант германского экономического протектората над Калининградской областью⁶.

Отдельные радикальные версии реализма и геополитики убеждены, что конечной целью Запада является дезинтеграция России и отделение ее Северо-западных регионов (особенно, Калининграда)⁷. Реалисты исходят из предположения о том, что регион должен сохранить свою стратегическую важность, критикуют правительство за скоротечное свертывание военной инфраструктуры на Балтике и выступают за ужесточение государственного контроля за регионом в целях сдерживания потенциального дрейфа в сторону Запада.

С точки зрения геополитиков, в случае «вторжения Запада» на российский Северо-Запад (особенно, в Калининград и Карелию), Москва должна превратить регион в «непотопляемый авианосец», включая размещение ядерного оружия. Они также приветствуют военное сотрудничество с Беларусью, которое могло бы сбалансировать экспансию НАТО на восток и даже превратить страны Балтии в эксклав в стратегическом смысле. Геополитики также предлагали обеспечить свободный гражданский и военный транзит в Калининградскую область через Литву по образцу германских соглашений по отношению к Восточной Пруссии после Первой мировой войны⁸.

А раз реалисты и геополитики остаются доминирующими школами в России, очевидно, что нынешнее российское руководство вынуждено учитывать их авторитет (по крайней мере, на уровне публичной риторики). К примеру, во время своего визита в Калининград (июль 2002) президент Путин заявил, что Россия

должна увеличить размер своего флота, если она хочет остаться ведущей мировой державой.

Хотя официальный дискурс, как представляется, сохраняет определенную двойственность, одновременно основываясь на необходимости участия в интеграционных процессах и делая упор на военной мощи, военный элемент, кажется, носит больше символический характер, а риторика не находит продолжения в сфере практической политики.

2. Либеральные институционалисты, в принципе, приветствуют регионализацию в России и мире. Внутри страны регионализация помогает избежать чрезмерной централизации и стимулирует демократизацию как на национальном, так и на субнациональном уровне. В международном плане, регионализация способствует интеграции России в мировую экономику и усиливает механизм взаимозависимости, медленно возникающий по периметру российских границ (особенно, в его северо-западной части). Либералы убеждены, что политика периода «холодной войны» себя исчерпала, а субъекты международных отношений стремятся к достижению баланса интересов, а не баланса сил. Они также считают, что стремление геополитиков контролировать территорию утратило свое значение, а на смену ему должно прийти мышление с точки зрения геоэкономики⁹.

Либеральные институционалисты отмечают, что военное значение российского Северо-Запада в период после холодной войны уменьшилось, а регион больше не может играть роль российского военного форпоста. Либералы выражают надежду, что регион во все большей степени будет открыт для международного сотрудничества, становясь воротами России на пути постепенной интеграции в европейские многосторонние институты. Они верят, что благодаря своему уникальному геоэкономическому положению, эта территория (и, особенно, Калининград) имеет шанс стать передовым российским регионом, участвующим в региональной и субрегиональной кооперации. Приоритет должен отдаваться вопросам, которые объединяют, а не разъединяют – торговле, трансграничному сотрудничеству, развитию транспорта, охране окружающей среды, здравоохранению, гуманитарным контактам и проч. В этом смысле, «Северное измерение» политики ЕС рассматривается в качестве полезного формата для такого сотрудничества¹⁰.

Либералы не игнорируют вызовы регионализации (особенно связанные с расширением ЕС), но считают, что такие вызовы могут быть эффективно купированы, если вовлеченные стороны продемонстрируют добрую волю, и будет создана соответствующая правовая база.

3. Глобалисты идут дальше либералов в терминах возможного участия северо-западных регионов в международном сотрудничестве. Они считают, что глобализация и регионализация – общемировые процессы, которые Россия не может игнорировать. Российский Северо-Запад – место переплетения обеих тенденций.

С одной стороны, регион является объектом диалога двух глобальных игроков – ЕС и России. С другой стороны, прослеживается явная тенденция к формированию нового международного региона Балтийского моря, в котором регионы российского Северо-Запада могут найти свою собственную роль. Глобалисты думают, что Москве не следует выдвигать на региональную повестку дня вопросы, связанные с суверенитетом, а региональным властям должны быть предоставлены дополнительные полномочия в сфере международных отношений. ЕС, с точки зрения глобалистов, должен реализовать двухступенчатый подход к сотрудничеству с российскими регионами, при котором северо-западные регионы должны быть включены в первую группу с точки зрения вступления в ЕС. Они настаивают на реальности этой модели, апеллируя к таким североевропейским странам как Финляндия и Дания, некоторые территории которых получили специальный статус в отношениях с ЕС (Аландские, Фарерские острова и Гренландия, соответственно). Подобно либералам, глобалисты приветствуют любые инициативы, направленные на развитие сотрудничества, включая «Северное измерение».

Некоторые радикальные подшколы глобализма исходят из того, что мы живем в мире, где государственные границы во все возрастающей степени устаревают, становятся проницаемыми, тем самым, утрачивая свою историческую роль как барьеров движению товаров, людей и идей¹¹. Это созвучно ряду западноевропейских подходов, стремящихся к социальной интеграции, передаче суверенитета, трансграничному сотрудничеству, в то время как новые государства (или вновь созданные, как Россия) естественным образом фокусируют свое внимание на границах, безопасности, исключении, суверенитете и национальных экономиках.

4. Существует также школа социальных конструктивистов, находящаяся пока в эмбриональном состоянии, но медленно приобретающая популярность в кругах российской интеллектуальной элиты. Подобно либералам и глобалистам, социальные конструктивисты поддерживают процессы регионализации как в России, так и в мире, в целом. Они убеждены, что в постмодернистском мире мужчины и женщины имеют множественную идентичность – по семейному, профессиональному, религиозному, культурному, гендерному, субнациональному, национальному, региональному и глобальному признакам. Для конструктивистов в процессе конструирования идентичности важно избежать примитивной и опасной дихотомии «мы» и «они», «свои» и «чужие», которые повышают конфликтность идентичностей. Толерантность и диалог (вместо монолога) между различными людьми, культурами, странами, цивилизациями и т.д. является наилучшим способом предотвращения конфликтов и укрепляют сотрудничество¹².

Конструктивисты также убеждены, что индивиды и государства часто сами создают проблемы безопасности своим неправильным восприятием намерений других акторов, формированием образов врага, предвзятых стереотипов и определением интересов партнеров по неправильному пути. Политическая повестка дня подвержена искусственной секьюритизации, а акторы ищут проблемы безопасности там, где они не существуют¹³. В первую очередь и, прежде всего, конструктивисты возлагают на национальное государство (и ее центральную бюрократию) ответственность за секьюритизацию политики и приоритезацию национальных интересов, суверенитета и границ¹⁴. Региональное и субрегиональное сотрудничество, в его приграничных и трансграничных формах, помогает уменьшить влияние предрассудков и стереотипов, избежать чрезмерной централизации и бюрократических барьеров, содействует росту доверия, тем самым десекьюритизируя («нормализуя») региональную / субрегиональную повестку.

Представляется, что в настоящее время школа реализма – геополитики доминирует в российском дискурсе по вопросам безопасности. Это обуславливает коренные различия российского и европейского дискурсов о границах и их роли в будущей системе международных отношений. В то время как в России делается упор на необходимости защиты национальных интересов, территориальной целостности государства и внешних границ государст-

ва, Европа, во все большей степени, ощущает себя в постмодернистском мире, где границы относительно не важны (по крайней мере, внутри ЕС), а в отношениях с внешним миром растет понимание важности приграничного и трансграничного сотрудничества.

Регионализация во внешней политике России

В посткоммунистической России региональные элиты стали влиятельными игроками в реализации внешней политики. Специалисты различают две основные формы международных инициатив регионов. Прямые (развитие собственных внешних связей) и косвенные (через влияние на формирование внешней политики Федерации).

Прямые методы включают:

– *Создание региональной законодательной базы.* В 1990-х нормативные акты регионов были направлены на легитимизацию внешней политики субъектов Федерации. Это позволяло региональным элитам выработать свою собственную политику, тем самым, обеспечив свою большую независимость от Москвы. Фактически, целый ряд этих актов либо противоречили Конституции России, либо выходили за рамки ее положений. Сферы исключительной компетенции Москвы во многих документах представляли как предметы совместного ведения. К примеру, договоры Москвы с Башкортостаном, Кабардино-Балкарией, Северной Осетией и Татарстаном предоставляли этим республикам право защиты государства и территориальной целостности. Екатеринбург, Татарстан и Удмуртия получили полномочия в области оборонной промышленности и экспорта вооружений. В некоторых документах (с Башкортостаном, Татарстаном) зафиксировано право регионов устанавливать связи и заключать договора с иностранными государствами. Тува предоставила местному парламенту право объявлять войну и мир, а конституция этой республики даже предусматривала право сепарации.

Однако, иногда региональное законодательство опережало федеральное, к примеру, в таких сферах как поддержка иностранных инвестиций и регулирование земельных отношений.

После избрания президентом на выборах весной 2000 г., Владимир Путин инициировал административную реформу, в частности, предусматривавшую учреждение семи федеральных округов

во главе с полпредами президента. *Inter alia*, реформа была направлена на ослабление губернаторской вольницы и гармонизацию местного и федерального законодательства. Среди прочего, президент Путин возложил на полпредов функцию мониторинга местного законодательства и координацию деятельности федеральных органов власти (МИД, МЭРТ, МО, ФПС, Прокуратуры, МВД и спецслужб) на местах.

Российские эксперты и политики делают различные оценки природы и последствий путинской административной реформы. Некоторые аналитики убеждены, что эта реформа приведет к децентрализации внутренней и внешней политики России. А, значит, пограничные регионы (включая Северо-Запад) будут иметь меньше возможностей для приграничного и трансграничного сотрудничества. Критике было подвергнуто и подчинение Калининграда Санкт-Петербургу в рамках Северо-Западного федерального округа. Санкт-Петербург был и остается естественным конкурентом Калининграда на Балтике. Многие калининградцы предпочли бы сохранить статус-кво и стать восьмым федеральным округом.

Однако, другие специалисты считают, что реформы Путина не нацелены на подрыв полномочий и власти регионов, а, скорее, на гармонизацию федерального и регионального законодательства, укрепление целостности и повышение управляемости, борьбу с коррупцией, бюрократией и организованной преступностью. Эти изменения не препятствуют северо-западным регионам России развивать эффективное сотрудничество с зарубежными странами и принимать участие в различных совместных проектах. Более того, Москва постоянно указывала на необходимость сотрудничества с ЕС и обещала свою помощь региональным властям. С точки зрения этой группы экспертов, включение Калининграда в СЗФО будет способствовать развитию связей области с ближайшими российскими регионами и предотвращению изоляции от «большой» России¹⁵.

В итоге, несмотря на то, что российское законодательство в области внешней политики далеко от идеального, и национальная дискуссия о будущей модели федерализма все еще продолжается, оно обеспечивает правовую основу международной политики субнациональных акторов, включая северо-западные регионы России. Однако, это законодательство не учитывает особенностей отдельных субъектов Федерации. По этой причине перед федеральными

властями все еще стоит задача подготовки нормативной базы, адекватно отражающей региональную специфику (особенно, в случае с Калининградской областью).

– *Заключение договоров.* Несмотря на жаркие споры относительно полномочий центра и субъектов Федерации в сфере заключения международных договоров, регионы были достаточно активны на этом направлении. Например, Карелия подписала несколько десятков договоров о торговле, научном и культурном сотрудничестве с зарубежными странами и их административными единицами. В 1990-х годах российские регионы заключили более 300 международных договоров. Обычно они готовились при содействии МИД РФ.

Однако, некоторые соглашения были подписаны через голову Москвы. В 1995 г. Москва даже аннулировала торговый договор между Калининградской областью и Литвой, так как он входил в противоречие с федеральным законодательством.

Для решения проблемы Москва приняла закон «О международных договорах Российской Федерации» (15 июля 1995 г.), который предусматривал участие субъектов Федерации в переговорах и подготовке международных договоров, затрагивающих интересы и компетенцию регионов. Субъекты Федерации могут также рекомендовать центру заключить, приостановить либо расторгнуть договоры. Закон, однако, не прояснил статус международных договоров, подписанных российскими регионами. Это было сделано только в 1999 г. с принятием закона «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации», который установил, что на соглашения регионов с иностранными партнерами статус международных договоров не распространяется.

Несмотря на эти коллизии, договорно-правовая активность регионов явилась одним из наиболее эффективных механизмов укрепления их международного престижа.

– *Учреждение представительств.* В целях поддержки прямого сотрудничества с зарубежными странами регионы начали открывать торговые и культурные представительства за рубежом. К примеру, г. Калининград в конце 1990-х имел офис в Брюсселе, нацеленный на лоббирование помощи ЕС для города. Однако, с учетом того, что согласно федеральному законодательству такие представительства должны финансироваться из бюджетов регио-

нов, не многие могут позволить себе их учреждение. По этой причине, многие регионы предпочитают полагаться на федеральные структуры – российские посольства и торгпредства.

– *Привлечение иностранных инвестиций.* Некоторые регионы преуспели в привлечении иностранных инвестиций (Санкт-Петербург, Новгород, Карелия). К примеру, в 1994-1999 гг. накопленные иностранные инвестиции в Новгородскую область возросли со 153 до 600 млн. долларов.

– *Формирование позитивного имиджа региона.* Для привлечения иностранных инвесторов, многие регионы запустили динамичные PR кампании. Организуются выставки, регионы принимают участие в международных ярмарках. К примеру, в Новгороде стали традиционными Дни сотрудничества, нацеленные на развитие международных контактов региона. Региональные лидеры предпринимая зарубежные поездки в пропагандистских целях. Регионы выпускают англоязычные периодические издания, ориентированные на иностранную аудиторию. Среди наиболее успешных «PR специалистов» можно выделить Михаила Прусака (Новгород), Анатолия Собчака (Санкт-Петербург) и Валерия Шлямина (Карелия).

– *Сотрудничество с международными организациями.* Для подтверждения своего статуса на международной арене, регионы пытаются развивать отношения с международными организациями – ЮНЕСКО, ЮНИДО, Европейским конгрессом муниципальных и региональных властей, Советом Европы. Северо-западные регионы России сотрудничают с СГБМ, Ганзейской лигой и Баренц Евро-Арктическим Советом. Необходимо отметить, что сотрудничество с международными организациями служит не только средством в борьбе с Москвой, но и открывает возможности для участия в общемировых процессах глобализации и регионализации.

Косвенные методы включают:

– *Влияние на федеральное законодательство.* Местное законодательство не только легитимизирует внешние связи регионов, но также оказывает влияние на федеральное законодательство. К примеру, налоговое законодательство Новгородской области помогло федеральным властям (а также другим регионам) в деле улучшения инвестиционного климата. Москва также приняла во внимание региональное законодательство Калининградской облас-

ти в сферах борьбы с коррупцией, прозрачности бюджетного процесса и поддержки туристического бизнеса.

– *Участие в дипломатической активности федерального уровня.* Принимая во внимание, что федеральное законодательство предусматривает участие регионов в подготовке международных договоров, их представители обычно включаются в состав официальных делегаций. У регионов также может запрашиваться заключение относительно содержания документов. К примеру, представители Карелии оказывали содействие МИД РФ в подготовке договоров с Финляндией. Наряду с дипломатами, калининградские делегации принимают участие в переговорах с ЕС и странами-кандидатами по вопросам будущего региона. Это оказывает гармонизирующее влияние на процесс согласования федеральных и региональных интересов.

– *Предотвращение и разрешение конфликтов.* Со временем, федеральные власти осознали, что регионализация может служить инструментом разрешения проблем в отношениях России с соседними странами. К примеру, тесное сотрудничество Калининграда с Литвой, Польшей и Германией препятствовало возникновению территориальных претензий с их стороны, снижало их опасения относительно избыточной милитаризации региона. Сотрудничество Финляндии и Карелии также смягчило российско-финляндские противоречия по карельскому вопросу.

– *«Вербальная дипломатия».* Для влияния на федеральную внешнюю политику, региональные лидеры часто прибегают к помощи заявлений по отдельным международным вопросам. К примеру, Михаил Прусак представлял свой регион как прозападную, рыночно ориентированную и демократическую единицу, в то время как Москва представляла в консервативном, централистском и антиреформистском образе. В критические моменты российско-европейских переговоров по Калининграду местные лидеры выступали с достаточно противоречивыми заявлениями, нацеленные на предотвращение игнорирования региональных интересов Москвой и их использование в качестве разменной карты в большой политической игре.

Результаты «вербальной дипломатии» достаточно противоречивы. С одной стороны, она помогала отстаивать их позицию в процессе выработки внешней политики России. С другой стороны, подобная дипломатия демонстрировала отсутствие политической

культуры у региональных элит и, зачастую, наносила вред российским национальным интересам.

– *Использование парламентского ресурса.* Регионы используют российскую законодательную власть для лоббирования своих внешнеполитических интересов на федеральном уровне. В 1990-х, когда верхняя палата парламента, Совет Федерации, формировался из региональных руководителей, этот орган стал одним из самых популярных механизмов регионального лоббирования. К примеру, Прусак, будучи председателем комитета по международным делам Совета Федерации и вице-президентом Парламентской ассамблеи Совета Европы, часто использовал свои посты для продвижения новгородских интересов. Хотя в настоящее время губернаторы и не являются членами парламента, сохраняется ресурс сенаторов для лоббирования интересов регионов в Москве.

– *Капитализация федеральной инфраструктуры.* Для влияния на федеральную внешнюю политику, регионы используют институциональную структуру, созданную Москвой на периферии. К примеру, МИД учредил специальный департамент по работе с регионами. МИД, МЭРТ, ГТК и ФПС имеют региональные представительства, принимающие активное участие в международном сотрудничестве. Теоретически, эти ведомства должны координировать и контролировать международные контакты регионов. Однако, зачастую они выступают в роли инструмента отстаивания региональных интересов, нежели центральных властей. Проблема состоит в том, что существует зависимость ведомств от региональных властей по вопросам размещения, заработных плат и карьерного роста. Органы федеральной исполнительной власти на местах, как правило, укомплектованы местными жителями, тесно связанными с региональной элитой.

– *Использование международных организаций.* Для давления на Москву регионы научились использовать не только федеральные институты, но и международные организации. К примеру, для получения более привилегированного статуса (особой экономической зоны, безвизового режима с Литвой и Польшей) Калининград мастерски эксплуатировал трибуны СГБМ и «Северного измерения» ЕС. Северные территории России представлены в Региональном совете Баренц Евро-Арктического Совета и развивают прямые связи с соседними регионами Финляндии, Норвегии и Швеции.

Необходимо отметить, что в реальной жизни регионы сочетают прямые и косвенные методы, которые скорее дополняют, нежели исключают друг друга.

Заключение

Отношение российской элиты к процессам регионализации остается неоднозначным. С одной стороны, признается, что они имеют свои негативные последствия. С внутривнутриполитической перспективы, они способствуют дальнейшей дезинтеграции единого правового, экономического, финансового и культурного пространства; деградации партийной системы и росту влияния региональных групп интересов; регионализации и приватизации спецслужб и вооруженных сил; непоследовательности в международной стратегии вызванной вмешательством региональных элит в процесс принятия решений в области внешней политики; росту сепаратизма и сепаратизма, могущим привести к распаду страны. В международном плане, российские регионы оказываются более открытыми перед вызовами глобализации и жесткой международной конкуренцией, перед которой многие из них оказываются неготовыми.

Однако, российские элиты – как на местном, так и на национальном уровне – осознают, что регионализация несет с собой и целый ряд позитивных изменений. В первую очередь, регионализация способствует прогрессу в сфере демократизации административной системы, не исключая и управление внешними связями регионов. Регионализация также ослабляет модель построения федеративных отношений по формуле «сверху вниз» в пользу модели «снизу вверх». Кроме того, международное сотрудничество помогло многим регионам пережить переходный период. Наконец, регионализация может служить инструментом разрешения проблем в отношениях России с сопредельными странами. В этой связи, важна также интегративная функция, препятствующая маргинализации и международной изоляции России, соединяющая различные цивилизации.

Наиболее продвинутая часть российской элиты признает тот факт, что уже сформировалась инфраструктура регионализма, а последний имеет позитивные результаты. Регионализм продолжит играть определяющую роль в будущем России, не обязательно ве-

дет к развитию дезинтеграционных процессов, а, напротив, может служить катализатором успешных реформ и международной интеграции.

Примечания

¹ Статья подготовлена к печати на основе исследования, выполненного при поддержке грантовых программ Института «Открытое общество», ИНО-центра и Датского института международных исследований.

² На смену которой в 2003 г. пришла инициатива «Упроченное партнерство в Северной Европе» (e-PINE).

³ See e.g.: Baranovsky V. *Russia's attitudes towards the EU: political aspects*. Helsinki: UPI, 2002; Joenniemi, P., Sergounin, A. *Russia and the European Union's Northern Dimension: Encounter or Clash of Civilisations*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistic University Press, 2003; Дерябин Ю. Северное измерение политики Европейского Союза и интересы России. М.: ИЕРАН, 2000; Лешуков И. Северное измерение ищет координаты целей // Евро. 1999. № 11. С. 30-31.

⁴ Более подробно в: Sergounin A. *The bright side of Russia's regionalisation*. Cambridge, Ma.: Davis Centre for Russian Studies, Harvard University, 1999 (Programme on New Approaches to Russian Security Policy Memo Series; No. 59).

⁵ Борисов С.В. Перспективы российской регионологии. Регион, региональность, регионализм. НН: Нижегородский научный фонд, 1995. С. 4-6; Сенатова О., Касимов О. Кризис политической системы и поражение идей российского федерализма // Очерки российской политики. Москва: Институт гуманитарных и политических исследований, 1994. С. 34-41.

⁶ См.: Бубенец А. Эскадренный субъект «Калининград» // Независимая газета. 24 февраля 2001; Величенко А., Чичкин А. Аншлюс под флагом МВФ? // Российская газета. 27 января 2001.

⁷ См.: Стратегия развития Калининградской области как «пилотного региона» сотрудничества Российской Федерации и Европейского Союза: международные аспекты региональной стратегии / Под ред. А. Хлопецкого. Калининград: Калининградское отделение Всероссийского координационного совета промышленников, 2000. С. 111.

⁸ Алкснис В., Иванова А. Балтийский узел // Независимая газета. 28 марта 2001.

⁹ Zagorski A. Geopolitik versus Geowirtschaft // *Wostok*. No. 6 – 1995. P. 3-10; Zagorski A. *Russia and Europe* // *Romanian Journal of International Affairs* 1996, Vol. 2 (1-2). 1996. P. 52-69.

¹⁰ See e.g.: Baranovsky V. *Russia's attitudes towards the EU: political aspects*. Helsinki: UPI, 2002; Leshoukov I. *The regional-centre divide: the compatibility conundrum* // *The EU & Kaliningrad: Kaliningrad and the Impact of EU Enlargement* / J. Baxendale, S. Dewar, D. Gowan (eds.). London: The Federal Trust. 2002. P. 127-139; Ткаченко С. Расширение ЕС и вопросы безопасности России // *Расширение ЕС и основные институты безопасности России* / Под ред. Д. Тренина. М.: МЦК, 2000. С. 49-75.

¹¹ See e.g.: Berg E. 'Border crossing' in manifest perceptions and actual needs // *Borders, regions, and peoples* / M. Van der Velde, H. Van Houtum (eds.). London: Pion Ltd., 2000. P. 154-165; Burlak, B. *Humankind needs a program for survival* // *International Affairs (Moscow)*. 1992. Vol. 38, No. 1. P. 16-24.

¹² See: Medvedev S. *Russia's futures. Implications for the EU, the North and the Baltic Region*. Helsinki: FIIA, IEP. 2000.

¹³ Makarychev A. *One Language, Multiple Discourses. Kaliningrad Issue as Russian "Speech Act"*. St. Petersburg: Centre for Integration Research and Programmes, 2002 (<http://www.cirp.ru/publications/makarychev/index.htm>).

¹⁴ Капустин Б. «Национальный интерес» как консервативная утопия // *Свободная мысль*. 1996. № 6. С. 13-28.

¹⁵ Балтия – трансъевропейский коридор в XXI веке. Доклад. М.: СВОП, 2000. С. 36.

КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ РФ КАК ФАКТОР И СУБЪЕКТ БАЛТИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Современное состояние отношений России с Балтийскими государствами оценивается отечественными политиками и экспертами как весьма противоречивое.

С одной стороны, как отмечают аналитики влиятельного Совета по внешней и оборонной политике, существует насущная потребность в активизации экономических связей¹. Такого же мнения придерживается и А. Мошес, подчеркивающий, что преобладающим направлением развития отношений России со странами Балтии стал поиск путей постепенного нормализации и налаживания прагматического взаимодействия². Отмечается также, что, несмотря на сохраняющийся в России взгляд на Прибалтику с точки зрения своего имперского и советского прошлого, наступает период, когда будущее представляется более важным, чем настоящее, что открывает новые возможности для сотрудничества в регионе Балтийского моря³.

Одновременно, те же самые авторы указывают на то, что практически ни один из трудных вопросов предыдущего десятилетия так и не был успешно разрешен, и, следовательно, факторы напряженности между Россией и Балтией продолжают присутствовать, хотя и в латентной форме⁴, а состояние отчужденности, взаимного безразличия, а порой и враждебности в двусторонних отношениях превалирует⁵.

В свете этих неоднозначных оценок, как представляется, заслуживает внимания региональный аспект российско-балтийских отношений, и, в частности, опыт становления отношений Калининградской области РФ с соседями по Балтике в постсоветский период. Следует сразу оговориться, что в силу очевидных геополитических обстоятельств, наиболее структурированными, богатыми событиями и важными как в политическом, так и в экономическом отношении стали связи области с партнерами в Литве. Исходя из этого, именно им будет уделено основное внимание в статье.

Пожалуй, самое важное в становлении российско-литовских отношений на калининградском направлении в постсоветскую

эпоху – это достаточно успешное преодоление сторонами многочисленных подводных и надводных препятствий на пути становления добрососедства, основанного на взаимном уважении и признании законных интересов сторон. Каждый из этих барьеров грозил потенциальной катастрофой, и большой удачей можно считать уже то, что крушений удалось избежать. Более того, динамика этих отношений приобретает все более позитивный характер. Значение «калининградско-литовского» фактора тем более трудно переоценить, что именно в этом регионе на практике реализуются первые шаги по сближению позиций России и ЕС в условиях непосредственного территориального соседства, обоюдных возможностей вольного или невольного влияния на ситуацию в Калининградской области и несовпадающих взглядов на пути ее дальнейшего развития.

На этом фоне отношения с Латвией и Эстонией не выглядят столь значимыми в жизни области, однако, и они, безусловно, имеют свою важность, о чем будет сказано ниже.

Прибалтийский фактор

Непосредственному рассмотрению обозначенных вопросов хотелось бы предпослать некоторые достаточно субъективные заметки относительно роли так называемого «прибалтийского фактора» в общественно-политическом сознании населения и политической элиты области.

Если обратить взгляд назад, на региональную историю последних 15 лет с точки зрения событий, конфликтов, достижений, поражений и т.д., имевших «калининградскую специфику» и вызвавших резонанс в позициях региональных властей, политических и неправительственных организаций и средств массовой информации, придется констатировать, что ни одно из них не было окрашено в «общеприбалтийские» тона.

Характерно, например, что информация о семье Викуловых, дело о высылке части которой из Латвии рассматривалось в декабре 2003 года Европейским Судом в Страсбурге, появилась сначала в московских средствах массовой информации и только после этого – в калининградских. В этом не было бы ничего удивительного, если бы изгнанные из Латвии Викуловы не проживали бы к этому моменту уже достаточно долгое время Калининграде⁶.

Конечно, в связи с поступающими по каналам федеральных СМИ сообщениями о нарушениях прав человека в Латвии и Эстонии, о попытках реабилитации сил, поддерживавших фашистскую Германию в годы Второй мировой войны, в Калининградской области отмечаются негативные настроения по отношению к этим государствам, как это происходит и в остальной России. Вместе с тем у калининградской элиты, пожалуй, до настоящего времени сохраняется скорее позитивный образ «Прибалтики», а переноса отрицательных и даже враждебных чувств на бытовой уровень не произошло.

В значительной мере такое восприятие, по-видимому, объясняется тем фактом, что российский регион был соединен тысячами хозяйственных и просто человеческих связей с прибалтийскими республиками. В советский период времени Калининградская область входила в Прибалтийский экономический район. Кроме того, в 1957-1965 годах, в эпоху Совнархозов, центр управления экономикой области находился в Вильнюсе.

Как отмечает заместитель председателя Калининградской областной думы С. Козлов, в условиях продуктового и товарного дефицита возможность массовых поездок калининградцев в Литву и Латвию воспринималась как особое благо, что способствовало укреплению теплых чувств к соседям. В то же время, сопоставление собственного и качества жизни соседей (не в пользу Калининградской области) явственно убеждало калининградцев в несправедливости экономической политики союзного центра. В этой связи, по мнению С. Козлова, негативное отношение населения области к действиям центрального аппарата управления государством имеет давние корни, и при сохранении или нарастании разрыва в уровне качества жизни с соседями оно будет только усиливаться⁷.

Предположение о преобладании позитивного восприятия калининградской элитой своих соседей по Балтике можно подтвердить и на примере сформулированной и неоднократно повторенной губернатором области В. Егоровым в качестве стратегической цели развития Калининградской области задачи достичь к 2010 году уровня жизни, сопоставимого с соседними государствами. Отсюда можно сделать вывод, что в глазах калининградцев Прибалтике наряду с Польшей, прежде всего в экономическом плане, отводится скорее роль примера и ориентира в достижении целей внутреннего развития, чем «врага».

Показательны в этом смысле результаты опросов общественного мнения, проведенных Калининградским социологическим центром в апреле-августе 2002 года и их сравнение с данными 1998 и 2000 годов. Отвечая на вопрос о том, с какими странами Калининградской области необходимо развивать экономические связи прежде всего, 53% калининградцев высказалось в пользу Литвы (в 1998 г. было 40%, а в 2000 г. – 48%). Для сравнения отметим, что чуть более высокая степень предпочтения отдана только Германии и Польше (по 54% в 2002 году, 55% и 56% соответственно в 1998 году и 60% и 49% в 2000 году). Характерно также, что респонденты, по-видимому, вовсе не вспомнили о Латвии и Эстонии – в списке они оказались в числе 3% «других»⁸. Причины такого «выпадения» ближайших соседей из общественного сознания области видимо следует искать в новейшей истории восточного побережья Балтики.

Латвия – трудная дорога к взаимному сближению

Во времена СССР Калининградская область РСФСР была тесно связана с Латвийской ССР. С одной стороны в Риге находился центр управления рыбной промышленности западного бассейна, а в Калининграде базировалась основная часть океанического рыболовного флота, работавшего главным образом в Атлантике, и были сосредоточены значительные рыбоперерабатывающие мощности. С другой стороны, в Калининграде находилось командование Балтийского флота СССР, а в Латвии – военно-морские базы и войска, входящие в состав флота. В силу этих обстоятельств, а также ввиду наличия хозяйственных связей в других сферах деятельности, между регионами осуществлялся весьма интенсивный обмен не только материально-экономического характера, но установились и обширные человеческие и культурные связи. Помимо этого Калининград и Рига были частью и более широкой пирамиды взаимных отношений различных направлений и уровней, в вершине которого находился Ленинград.

В этом свете не удивительно, что первой реакцией региональных калининградских властей в начальный период переосмысления новых постсоветских реалий стало стремление сохранить взаимные контакты с жителями и хозяйствующими субъектами Латвии, а также – транзитное движение в направлении С.-Петербурга

и обратно. Интенсивные консультации администрации области с МИД России в 1992-1993 годах, а затем и переговоры между Россией и Латвией, в которых автору этих строк довелось принимать участие (апрель 1993 г.), позволили сохранить железнодорожное сообщение Калининград-Рига и документально закрепить договоренность о безвизовом транзите железнодорожным транспортом между Калининградом и С.-Петербургом. Соответствующее межправительственное соглашение было подписано 2 июня 1993 года. В 2002 году это соглашение было денонсировано латвийской стороной, что объяснялось стремлением Латвии как можно в более сжатые сроки выполнить условия Шенгенского соглашения в рамках общей программы вступления страны в Евросоюз. Примечательно, что российское правительство практически не предприняло никаких усилий по сохранению экономически обоснованного и важного для калининградцев безвизового транзитного сообщения с С.-Петербургом через территорию Латвии. В результате, в настоящее время поезда из Санкт-Петербурга идут транзитом через Беларусь, что значительно увеличивает время в пути.

В первой половине 1990-х годов стало совершенно понятно, что без инициативы области вопросы сохранения ее традиционных гуманитарных, экономических, культурных и иных связей с Латвией решаться не будут. Как Россия, так и Латвия были поглощены проблемами гораздо более глобального характера. Известна и достаточно жесткая позиция Латвии в отношении введения визового режима и вопросов гражданства.

В течение 1993-1995 годов неоднократные попытки калининградских политиков привлечь внимание как российских, так и латвийских властей к необходимости достижения договоренностей о взаимных поездках в более льготном режиме и о развитии регионального сотрудничества практически оставались без ответа. Ситуация особенно обострилась в связи с прекращением с 15 января 1995 года выдачи латвийских транзитных виз непосредственно на пограничных пропускных пунктах. Однако, несмотря на обращения администрации области в МИД России и МИД Латвии с предложением рассмотреть вопрос об открытии консульского учреждения Латвии в Калининграде, долгое время никаких шагов для решения этой проблемы не предпринималось.

Областные власти, как отмечено выше, стремились инициировать переговоры с участием федерального центра там, где речь

шла о транзите или вопросах межгосударственных отношений. Одновременно в рамках формирования законодательства и практики применения режима свободной экономической зоны в 1995 году администрация области дала полномочия представлять СЭЗ «Янтарь» в Латвии одному из рижских предпринимателей, связанных с областью⁹.

Помимо этого была предпринята попытка стимулировать открытие торгово-экономического представительства Латвии в Калининграде, велось даже согласование с МИД Латвии поддержанной администрацией области кандидатуры уроженца Латвии калининградца О. А. Рощина. Однако, на негативном общем фоне российско-латвийских отношений реализовать план обмена представителями по вопросам регионального сотрудничества в тот период не удалось, и этот вопрос остается открытым и сегодня.

12 апреля 1993 года представители Калининградской области (1-й заместитель главы администрации Г. Чмыхов и начальник управления по международным делам А. Сонгаль) провели в Риге встречи с представителями МИД, МВЭС и Департамента гражданства и миграции Латвии. Была достигнута принципиальная договоренность о необходимости подготовки соглашения, которое позволило бы развивать торгово-экономическое и культурное сотрудничество между Калининградской областью РФ и партнерами различного уровня в Латвии. В течение 1993 года Управлением по международным делам Администрации области был подготовлен проект соглашения между РФ и Латвийской республикой о развитии экономических и культурных связей между Калининградской областью РФ и Латвийской республикой. Однако после длившихся более года согласований в министерствах и ведомствах его подписание было отложено на неопределенный срок по рекомендации МИД РФ.

Недостаточная договорно-правовая база сотрудничества области с Латвией в определенной степени стала тормозом на пути развития торгово-экономических связей между ними. Так, за период с января по сентябрь 2003 года объем товарооборота Калининградской области с Латвией составил около 28 млн. долларов США¹⁰. Это почти в два раза больше, чем за весь 2002 год. Таким образом, данный показатель вышел на уровень рекордного 1998 года (36,6 млн. долларов). Для сравнения отметим, что товарооборот с Литвой за этот же период достиг 167 млн. долларов. По данным адми-

нистрации области, на 01.01.2003 года на территории региона зарегистрировано 111 совместных российско-латвийских предприятий и предприятий с латвийским капиталом. К сожалению, остается до конца не урегулированным и вопрос с размещением открытой в 2002 году в Калининграде Канцелярии посольства Латвии в РФ.

В этой связи в июне 2003 года было принято Обращение Калининградской областной Думы председателю правительства РФ М. Касьянову и министру иностранных дел Российской Федерации И. Иванову. В документе подчеркивалось, что «...в связи с формальным открытием консульского представительства Латвии в г. Калининграде жители области потеряли возможность оформления выездных виз в Латвию в посольстве этой страны в г. Вильнюсе. Речь идет о тысячах россиян – жителей Калининградской области, которые имеют родственные или деловые связи с жителями Латвии. Возможность получения виз в г. Москве проблемы не решает»¹¹.

Представляется, что потенциал развития торгово-экономических и иных отношений между Латвийской Республикой и Калининградской областью РФ далеко не исчерпан. Безусловно, определяющую роль будет играть общий контекст российско-латвийских отношений. Однако, верно и обратное: конкретное региональное сотрудничество может способствовать улучшению общего климата межгосударственных отношений.

Помимо отмеченных выше направлений такой шанс может дать, в частности сотрудничество в рамках двух еврорегионов – «Сауле» и «Балтика», созданных, в том числе, с участием Калининградской области и регионов Латвии.

Эстония – в стороне от транзитных путей

В период после распада СССР Эстония приняла четкую ориентацию на развитие связей прежде всего со скандинавскими государствами и странами-членами ЕС. Не будучи транзитной страной по отношению к Калининградской области, это прибалтийское государство почти исчезло с горизонта общественно-политической жизни янтарного края России. Торговый оборот Калининградской области с Эстонией в январе-сентябре 2003 года составил около 8 миллионов долларов США (примерно 0,5% от общего объема то-

варооборота области за этот период)¹². Работает в условиях Особой экономической зоны и ряд совместных российско-эстонских предприятий. Самые заметные инвестиции сделаны кондитерской фабрикой «Калев».

Справедливости ради надо сказать, что в 1993-1995 годах калининградские власти делали попытки сохранить и оживить экономические связи с Эстонией. Так же, как и в случае с Латвией, одной из постоянных жительниц Таллина¹³ были даны полномочия представлять в этой стране СЭЗ «Янтарь».

С другой стороны, в ходе достаточно редких визитов эстонских дипломатов среднего звена в область (1998 г., 2002 г.) и посла Эстонии в России Тийта Матсулевича в 2001 г. речь велась, в том числе, и о возможном открытии в Калининграде консульского представительства этой республики. Однако, по всей видимости, взаимные экономические и иные интересы на нынешнем этапе не оправдывают безотлагательных шагов в этом направлении. Вместе с тем, вполне вероятно, что полноценное вхождение в состав ЕС, неизбежный рост стоимости рабочей силы и другие внутренние ограничения будут стимулировать расширение взаимного сотрудничества Эстонии с соседними российскими регионами уже на новом уровне. Конечно, многое в этом плане будет зависеть и от инвестиционной привлекательности Калининградской области, и от общего состояния российско-эстонских отношений.

Литва – не только транзитное государство

Начало 90-х годов прошлого столетия не предвещало особых успехов в развитии нормальных добрососедских отношений между Литовской республикой и Калининградской областью России.

Для российской стороны и, прежде всего, для Калининградской области, крайне болезненными стали вопросы пассажирского и грузового транзита во всех его многочисленных проявлениях, включая военную составляющую, энергообеспечения, пересечения воздушного пространства Литвы российскими гражданскими и военными самолетами. Глухое раздражение у значительной части калининградцев вызывала позиция союзного центра в процессе решения вопроса о независимости Литвы. Те же самые люди, которые с симпатией относились к стремлению соседей к независимости и безусловно осуждали предпринятую в январе 1991 г. в

Вильнюсе силовую акцию, чувствовали себя абсолютно брошенными на произвол судьбы сначала руководством СССР, а затем и в течение значительного промежутка времени – новыми российскими властями. Как казалось многим в то время, у Москвы оставалось достаточно рычагов для того, чтобы в процессе цивилизованных переговоров с Вильнюсом, путем взаимных компромиссов решить вопрос о транзитном коридоре между Калининградом и Белоруссией. Ситуация усугублялась косностью и неспособностью партийного руководства области адекватно оценить обстановку и сформулировать разумные инициативы для того, чтобы избежать изоляции калининградского региона.

Серьезную угрозу для жителей Калининградской области представлял и разрыв традиционных связей между Литвой и областью. Для иллюстрации, приведу небольшой пример из собственного опыта тех лет. В 1992 году я возвращался самолетом из Москвы в Калининград. В связи с ухудшившимися погодными условиями самолет не смог приземлиться в Калининграде и, развернувшись над аэропортом, направился ... в Минск. Как мне объяснили – по причинам отсутствия договоренностей между авиаторами Литвы и России, в частности, по условиям оплаты, аэропорт в Вильнюсе российские самолеты использовать не могли. Стала очевидной необходимость интенсификации диалога по широкой повестке дня с учетом быстро менявшихся условий.

Как известно, 29 июня 1991 года был подписан Договор об основах межгосударственных отношений между РСФСР и Литовской Республикой и межправительственное Соглашение о сотрудничестве в экономическом и социально-культурном развитии Калининградской области. В развитие и наполнение этих документов предусматривалось, в частности, заключение целого ряда межведомственных соглашений в различных направлениях (энергетики, транспорта и т.д.), однако этот процесс продвигался крайне медленно.

Для значительной части литовцев распад СССР стал, наряду с прочим, и сигналом к поиску исторических корней, новому осмыслению своего прошлого, его представлению часто в героическом ореоле¹⁴. В этом свете Калининградская область в литовском дискурсе зачастую представляла как Малая Литва, регион, который хотя и принадлежал сначала пруссам, а затем в процессе германизации стал Восточной Пруссией, сыграл значительную роль в ста-

новлении литовской нации. Здесь были изданы первые книги на литовском языке, здесь творил Донелайтис и проживало достаточное многочисленное литовское население.

Как отмечает Ю. Палецкис, в ходе опроса общественного мнения в Литве в 1991 году, 46% респондентов утвердительно ответили на вопрос, не должна ли принадлежать определенная часть территории соседнего государства Литве¹⁵. В практическом плане это выразилось в начале 90-х годов в негласном поощрении литовскими властями приобретения россиянами-жителями Калининградской области литовского происхождения второго (литовского) гражданства, хотя в правовом отношении этот вопрос на межгосударственном уровне не был урегулирован. На памяти и достаточно анекдотический «поход» группы литовских граждан во главе с известным литовским диссидентом П. Цидзикасом, прибывшей на автобусе в Калининградскую область с целью разъяснения правовой несостоятельности решений Потсдамской конференции в отношении Калининградской области и распространения «идей Малой Литвы» (середина 1990-х годов). «Вторжение» закончилось в отделении милиции г. Гвардейска, где агитаторов удалось уговорить спокойно вернуться на родину. В дальнейшем тема Малой Литвы хоть и продолжала находить сочувствие у некоторых влиятельных литовских политиков (например, Р. Озолоса), постепенно перестала волновать широкую общественность. Как представляется, для подавляющего большинства литовцев, исключая незначительный круг радикально настроенных общественных деятелей, Малая Литва сегодня – в большей степени предмет историко-культурного интереса, чем объект территориальных притязаний.

Еще более важной проблемой в представлении литовских политиков была «военная угроза», исходившая из Калининградской области. К счастью, линия РФ на разумное снижение военного потенциала в регионе Балтийского моря к концу 90-х годов привела к почти полному снятию этого вопроса с повестки дня.

Серьезным раздражителем для обеих сторон стал вопрос о государственной границе. Сложные переговоры, длившиеся несколько лет и затрагивавшие крайне чувствительные экономические и политические интересы России и Литвы, закончились подписанием Договора о границе в 1997 году. Как известно, документ был ратифицирован Государственной Думой РФ только в 2003 году, после нахождения компромиссного решения в сфере транзита.

В 90-е годы в состав российских переговорщиков по вопросу о государственной границе входили и калининградские эксперты, впоследствии попавшие «под обстрел» некоторых калининградских политиков и общественных деятелей. Так, депутат Государственной думы РФ В.П. Никитин активно призывал отложить ратификацию договора как не отвечающего интересам России, а бывший депутат горсовета Калининграда В. Сыроватко опубликовал в местной прессе ряд материалов, поднимавших тему незаконности прав Литвы на Мемельский край (Клайпеда) и Вильнюсский край¹⁶.

Для того чтобы представление об объеме и разнообразии взаимных претензий и поводов для недоверия было более полным, придется вспомнить о вступлении Литвы в НАТО, долгах калининградских сельскохозяйственных предприятий литовским строителям, а калининградских авиаторов – литовским навигационным службам, «войну» тарифов на пути движения грузов в порты соответственно Калининграда и Клайпеды. Отдельной темой здесь звучит все, что связано с транзитом: залог, полицейское сопровождение, страхование, незаконные поборы, высаженные пассажиры и др.

И, тем не менее, в сухом остатке на сегодняшний день, как отмечалось выше, вполне позитивная картина российско-литовского сотрудничества на калининградском направлении.

В экономической сфере помимо значительного объема товарооборота (см. выше), все более заметной становится инвестиционная активность литовских предпринимателей на территории Калининградской области. В регионе зарегистрировано более 600 совместных российско-литовских предприятий и предприятий со стопроцентным литовским капиталом (более 27% общего количества зарегистрированных в области совместных предприятий)¹⁷. Литовский капитал работает в пищевой промышленности, мебельном производстве, строительстве, сфере услуг и др.

Среди крупных литовских инвестиций можно отметить: мясоперерабатывающий комбинат «Калининградский деликатес» (5 млн. долларов США), кондитерский цех «Новая рута» в Советске (2 млн. долларов), рыбоперерабатывающее предприятие «Вишняй-Русь» в г. Советске (7 млн. долларов и 400 рабочих мест), Завод по производству холодильников «Снайге» – планируемые инвестиции 11,5 млн. евро, а предполагаемые объемы производст-

ва – до 300 тысяч холодильников в год при создании 500 рабочих мест.

Продолжается достаточно активный обмен в сфере образования и культуры, согласованы взаимные планы установки памятников и мемориальных знаков выдающимся российским и литовским деятелям культуры соответственно в Литве и в Калининградской области (в частности – К. Донелайтису, П. Мстиславцу, М. Чехову). Решаются путем взаимных консультаций вопросы поддержки национально-культурных автономий. Литовцы, проживающие на территории Калининградской области (их около 20 тысяч) имеют возможность обучения детей родному языку, истории и культуре. С этой целью в ряде учреждений дошкольного, общего и среднего специального образования литовский язык включен в учебный план.

Кроме двустороннего сотрудничества, стороны пытаются определить сферы общих интересов в рамках процесса европейской интеграции («Нидская инициатива», к примеру, вобрала в себя несколько приоритетных совместных проектов, требующих поддержки ЕС) и даже взаимовыгодного повышения конкурентоспособности в регионе Балтийского моря (проект 2К по согласованию тарифной и иной политики, направленный на развитие портов Клайпеды и Калининграда).

Каким же образом удалось перейти от сугубо негативной повестки дня 90-х годов к иногда сложному, но все-таки нацеленному на положительный результат взаимодействию? Здесь видится несколько причин.

Во-первых, российско-литовский диалог на калининградскую тему никогда не прерывался. В самые сложные моменты сохранялись рабочие контакты между Калининградом (как правило, с участием представителей федерального центра) и Вильнюсом.

Во-вторых, диалог этот ведется на самых разных уровнях: от встреч президентов, премьер-министров и депутатов до многочисленных семинаров, конференций и экономического взаимодействия, контактов на уровне гражданского общества.

В-третьих, подготовлена достаточно обширная договорно-правовая база, учитывающая региональную специфику. Трудно переоценить важность для Калининградской области Соглашения о долгосрочном сотрудничестве между Калининградской областью и регионами Литовской Республики, которое вступило в силу

26 января 2000 года. Подписаны также соглашения о сотрудничестве между Калининградской областью и всеми приграничными регионами Литвы (Клайпедским, Марьямпольским и Таурагским). Транзитные вопросы регулировались сначала Временным порядком, затем Временным соглашением, а с 2003 года – российско-литовским межправительственным Соглашением о взаимных поездках граждан.

В-четвертых, при поддержке федерального центра созданы инструменты межрегионального сотрудничества и, в частности, Совет по долгосрочному сотрудничеству между региональными и местными властями Калининградской области Российской Федерации и Литовской Республики¹⁸, на заседаниях которого рассматривается весь спектр взаимных отношений.

13 июня 2001 г. в г. Вильнюсе по инициативе Группы межпарламентских связей Сейма Литовской Республики и депутатов Калининградской областной думы было принято заявление о создании Форума парламентариев Группы межпарламентских связей с Российской Федерацией Сейма Литовской Республики и Калининградской областной думы. Несмотря на свое несколько сложное название и ассиметричный характер, Форум оказался весьма полезным инструментом, предоставившим дополнительную возможность весьма конкретно и предельно открыто обсуждать вопросы развития отношений между Литовской Республикой и Калининградской областью РФ. Доброжелательная атмосфера, характерная для всех встреч, позволила вести поиск взаимоприемлемых позиций, отражающих интересы избирателей и помогающих исполнительной власти находить взвешенные решения имеющихся проблем, в том числе, связанных с расширением Евросоюза. Форум стал своеобразным барометром, определяющим вектор развития «калининградской составляющей» российско-литовских отношений еще до принятия конкретных решений и подписания документов.

Говоря о механизмах и инструментах взаимодействия нельзя не упомянуть и об активно работающем Генеральном консульстве ЛР, открытом в Калининграде в 1994 году¹⁹. В том же году начало работать Представительство Калининградской области в г. Вильнюсе.

В-пятых, объективно существуют «калининградско-литовские» взаимные интересы в более широком политическом контексте. Как уже отмечалось, они касаются как собственно тор-

гово-экономической сферы, параллельного и взаимовыгодного повышения конкурентоспособности, так и отношений в «квадрате» Москва – Брюссель – Вильнюс – Калининград. Как отмечают некоторые калининградские политики, Вильнюс играет роль лоббиста для Калининградской области в Брюсселе. Понятно, что одновременно и сама Литва приобретает некоторое дополнительное внимание к себе со стороны ЕС, включая целевые ресурсы Евросоюза на решение, прежде всего транзитных, а в перспективе – и иных проблем, обусловленных калининградской спецификой. Немаловажно и то, что заинтересованность Вильнюса в происходящем в Калининградской области (с возрастающим акцентом на быстро растущие экономические связи) посылает определенный отраженный сигнал и в Москву. Учитывая масштабы и глобальность задач, стоящих перед руководством России, и незначительный «материальный» вес Калининграда, это бывает не лишним.

Заключительные замечания

Конечно, маленькой Калининградской области России вряд ли по силам действовать за пределами *общей повестки дня* отношений между Россией, в целом, и странами Балтии, как в широком плане, так и с конкретными модальностями взаимоотношений России с каждой из этих стран. Здесь, к сожалению, сохраняется определенный потенциал неустойчивого и даже негативного развития событий.

Достаточно трудно, например, прогнозировать, в какие сроки удастся преодолеть трения по вопросу о положении русскоязычного населения в Латвии и Эстонии. Осложнениями грозит и переход на новые условия торгово-экономического взаимодействия в связи с вступлением Литвы, Латвии и Эстонии в ЕС. Сохранят свою чувствительность вопросы транзита энергоносителей, а также – услуг в сфере транспорта и энергетики. Полномасштабная реализация проекта Балтийской трубопроводной системы и Северо-Европейского газопровода могут радикально изменить ситуацию на этих рынках.

Что касается *региональных факторов*, о которых идет речь в этой статье, реальные социально-экономические интересы и общие программы локального характера не могут изменить глобальную повестку дня, не могут они и полностью быть свободными от

сложностей и трений. Так, компромиссные транзитные схемы для поездов граждан, выработанные в последний момент Россией, ЕС и Литвой далеко не идеальны и нуждаются в серьезном совершенствовании, а разработка компанией «ЛУКойл» нефтяного месторождения Д-6 на шельфе вблизи жемчужины Балтийского побережья Куршской косы вызывает беспокойство как у калининградских, так и у литовских экологов. Не решены до конца вопросы транзита грузов. Необходима дальнейшая работа по согласованию тарифов на грузовые перевозки железнодорожным транспортом с тем, чтобы они были благоприятны как для транспортировки товаров в порт Клайпеды, так и в калининградские порты и т.д.

Вместе с тем сотрудничество на региональном уровне вполне способно радикально изменить атмосферу, в которой решаются те или иные межгосударственные и региональные проблемы. В качестве иллюстрации этого тезиса приведу еще одно небольшое наблюдение из собственного опыта. В ходе визита делегации Парламентской Ассамблеи Совета Европы в Калининград в марте 2002 года представитель одной из балтийских республик (не Литвы), в ходе дискуссии, состоявшейся в здании областной Думы, не нашел более важной темы для обсуждения, чем вопрос о переименовании города Калининграда, других городов и улиц области, поскольку они носят слишком «милитаристский характер». Я попытался представить себе, что горячий диспут на эту тему сегодня ведется с официальными литовскими партнерами и не смог. И не потому, что такой темы не может быть и об этом нельзя говорить. Просто нацеленность на взаимовыгодное взаимодействие, стремление понять партнера позволяют более точно определять приоритеты и сами по себе могут стать фактором большой политики, способствуя решению самых сложных проблем.

Примечания

¹ Балтия – трансъевропейский «коридор» в XXI век. Доклад Совета по внешней и оборонной политике // НГ – Дипкурьер. 26 октября 2000.

² Moshes A. The Double Enlargement, Russia and the Baltic States. Copenhagen: Danish Institute of International Affaires, 2003.

³ Morozov V. Russia and the Baltic States: Letting Go of a Troubled Past. The Jamestown Foundation. August 5 (2003) //

http://www.jamestown.org/publications_details.php?volume_id=16&issue_id=628&article_id=4547

⁴ Moshes A. Op. cit.

⁵ Балтия – трансъевропейский «коридор» в XXI век... Указ. соч.

⁶ Для справки отметим, что в январе-октябре 2003 года из стран Балтии в Калининградскую область на постоянное место жительства прибыло 125 человек, а выбыло «в обратном

направлении» 46 человек. См.: Социально-экономическое положение Калининградской области в январе-ноябре 2003 года. Госкомстат РФ. Калининградский областной комитет госстатистики. Калининград, 2003.

⁷ Козлов С. Калининградская область: форпост СССР, СЭЗ, ОЭЗ, транзитная территория России, Доклад, Российско-литовско-французский круглый стол «Quo Vadis Kaliningrad?», 17-19 октября 2003.

⁸ Калининградская Правда. 17 декабря 2002.

⁹ Козюкову В.М.

¹⁰ Социально-экономическое положение Калининградской области в январе-ноябре 2003 года, Госкомстат РФ/ Калининградский областной комитет госстатистики. Калининград, 2003.

¹¹ Обращение Калининградской областной Думы к председателю правительства РФ М.Касьянову и министру иностранных дел Российской Федерации И. Иванову. Принято на заседании Калининградской областной думы 26 июня 2003 года.

¹² Социально-экономическое положение Калининградской области в январе-ноябре 2003 года, Госкомстат РФ. Калининградский областной комитет госстатистики. Калининград, 2003.

¹³ Бывшей жительнице Калининградской области Бондаревой А.Д.

¹⁴ Cf.: Paleckis J. Fast unser Land oder Nachbarland? // Koenigsberg Kaliningrad unter europaeschen Perspektiven / Herausgegeben von Ernst Mueller-Hermann. Bremen: Verlag H.M. Hauschild GmbH, 1994. S. 115 -127.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Интересно, в этой связи, что в некоторых калининградских средствах массовой информации иногда возникает тема «предателей» (как правило – это политики, активно работающие на литовском направлении). В частности, в декабре 2003 года в бесплатно распространяемой калининградской газете «Дворник» появилась заметка «Платят ли литовцы калининградским политикам?», иллюстрируемая фотографией нынешнего губернатора области рядом с трижды судимым литовским предпринимателем В. Лауринавичюсом. Чуть далее на том же снимке – президент Путин во время визита в Калининград в 2000 году. Газета утверждает, что В.Егоров в ходе своей предвыборной кампании пытался познакомить Лауринавичюса с Путиным. Назван также ряд чиновников и политиков, которые, по мнению газеты (статья не подписана), попали как минимум в моральную зависимость от литовских коллег: М.Цикель, В. Лопата, и др. В дальнейшем В.Лопата выступил с достаточно убедительным опровержением приведенных «фактов». См.: Дворник, 23 декабря 2003.

¹⁷ Здесь и далее – данные Администрации Калининградской области.

¹⁸ Намерение создать орган регионального сотрудничества между Калининградской областью и административно-территориальными образованиями Литвы было впервые официально сформулировано в Указе Президента РФ № 495 «О социально-экономическом развитии Калининградской области от 18 мая 1995. Этим же указом было предусмотрено предоставление главе администрации области полномочий вести переговоры и заключать соглашения не только с административно-территориальными образованиями, но и с министерствами и ведомствами иностранных государств.

¹⁹ В 2003 году открыто также консульство ЛР в г. Советске.

НОВГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ И СТРАНЫ БАЛТИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Новгородскую область и страны Балтии связывают традиционные многолетние экономические, культурные и социальные связи, основывающиеся на производственной кооперации и гуманитарно-политической интеграции в советский период. До настоящего времени наблюдается высокая степень активности контактов жителей Новгородской области и Эстонии, которая обусловлена разветвленной сетью семейных и профессиональных связей, сформировавшейся в советское время, в том числе, благодаря «военному» фактору: в гарнизоне Кречевицы (Великий Новгород) дислоцировался авиационный полк военно-транспортной дивизии, штаб которой находился в г. Тарту. В настоящее время определяющим фактором развития трансграничного сотрудничества со странами Балтии выступает выгодное географическое положение новгородского региона и его ярко выраженная экспортно-ориентированная экономика.

Политика Новгородской области в отношении стран Балтии на протяжении последних лет отличается взвешенностью и прагматизмом и направлена на поддержание и интенсификацию достигнутого уровня экономических связей с учетом интересов хозяйствующих субъектов области. В данной связи уместно отметить и роль губернатора области, имеющего определенный политико-дипломатический опыт¹. Успехи областного руководства в деле «интеграции в европейское сообщество, развития международных связей с европейскими странами и единения с народами Европы» отмечены наградами Парламентской Ассамблеи Совета Европы: Почетным Стягом (1997 год) и Почетным Знаком (2001 год).

Администрация Новгородской области в рамках делегированных федеральным центром полномочий на протяжении последних десяти лет реализует в отношении стран Балтийского региона самостоятельную политику, призванную содействовать развитию экономических, культурных и гуманитарных связей, а также по-

сильно способствовать решению общефедеральных задач, в частности, по поддержке русскоязычного населения, проживающего на территории государств Балтии.

К сожалению, сохраняется целый комплекс проблем, препятствующих достижению стратегической задачи достижения финансовой самодостаточности, стабильности развития, а, значит, и интенсификации трансграничного сотрудничества, требуют решения на федеральном уровне. Среди этих проблем можно назвать дефолт 1998 г. и его последствия, «перетягивание финансового одеяла» федеральным центром при перераспределении налоговых поступлений, необоснованно и перманентно растущие цены на энергоресурсы и транспортные издержки, неотрегулированность законодательной базы. В частности, при общем снижении налогового бремени на федеральном уровне (снижение ставки налога на прибыль), на региональном уровне сокращены права субъектов РФ в части предоставления налоговых льгот, что существенно снижает уровень их инвестиционной привлекательности.

При формировании таможенной политики федеральный центр зачастую преследует преимущественно фискальные интересы, не принимая во внимание подлинные интересы отечественных машиностроителей, экспортеров и, в конечном счете, нанося ущерб долговременным интересам страны. Статистический анализ свидетельствует о том, что обновление активной части основных фондов отечественной промышленности, составляющих основу ее конкурентоспособности, идет недопустимо медленными темпами, не в последнюю очередь из-за таможенных барьеров на пути в Россию самых современных технологий и оборудования. Применяемые импортные пошлины являются сдерживающим фактором модернизации производства для многих национальных предприятий, так как отечественная промышленность не в состоянии предложить конкурентоспособное производственное оборудование, в частности, для деревообрабатывающей промышленности. Освобождение участников торгово-экономической деятельности от уплаты НДС и таможенных пошлин при ввозе на территорию России высокотехнологичного оборудования, не имеющего российских аналогов, закрепление этой нормы в Налоговом Кодексе РФ и внесение соответствующих изменений в Таможенный Кодекс РФ, способствовало бы расширению возможностей для реализации

потенциала сотрудничества Новгородской области со странами Балтии.

Процесс расширения ЕС, результатом чего стало вхождение в общеевропейское экономическое пространство и стран Балтии, имеют для Новгородской области неоднозначные последствия. С одной стороны, страны Балтии утрачивают целый ряд торгово-посреднических преимуществ, которыми они обладали в качестве стран-кандидатов в ЕС, что ограничивает заинтересованность крупного российского и регионального бизнеса к сотрудничеству с ними. С другой стороны, возникают предпосылки для изменения профиля сотрудничества. С учетом изменившейся конкурентной среды, появления фактора квотирования объемов ввоза сырьевых и энергетических ресурсов (стали и т.п.) из-за пределов ЕС, бизнес стран Балтии начал активно прорабатывать перспективы переноса производств на территории сопредельных регионов России и, в частности Новгородской области. Так, в мае-июне 2004 г. велись переговоры о размещении в Великом Новгороде двух промышленных объектов со 100% эстонским капиталом с общим объемом инвестиций в 15,5 миллионов долларов. Позитивным фоном является тенденция к активизации дипломатического, политического и гуманитарного сотрудничества, инициатором которого в последнее время в большинстве случаев выступают страны Балтии.

В 2000-2001 гг. наблюдалось обвальное снижение товарооборота Новгородской области со странами Балтии. Внешнеторговый оборот области с государствами Балтии в 2002 году составил всего 35,1 млн. долларов США, снизившись по сравнению с 2000 г. в 3,4 раза. С учетом доминирования в товарообороте бизнеса, обслуживающего экспортные потоки Новгородской области, и основную причину следует искать в этой сфере. С одной стороны, расширение ЕС привело к постепенному нивелированию условий прямого и опосредованного (через Эстонию и Латвию) доступа продукции новгородского химического гиганта «Акрон» на рынок ЕС. В связи с предстоящим вступлением в Евросоюз, страны Балтии начали вводить финансовые и экономические стандарты европейского экономического пространства и потеряли свою привлекательность в качестве выгодного канала продвижения российской продукции с учетом перспективы утраты временных льгот и преференций стран-кандидатов. С другой стороны, на качество экономического сотрудничества Новгородской области и стран Балтии значитель-

ное влияние оказала также политика, направленная на переориентацию транзита на российские порты. В результате, поставки удобрений в страны-посредницы Латвию и Эстонию только за 2001 год упали более чем в 10 раз. «Акрон», активно использовавший логистику государств Балтии, переориентировал свои транспортные потоки с порта в Вентспилсе (Латвия) на Санкт-петербургское направление и в 2001 году инвестировал 10 млн. долларов в строительство терминалов в Усть-Луге (Ленинградская область).

Вместе с тем, в последующий период наблюдалась устойчивая тенденция к постепенному росту абсолютных объемов товарооборота, который был обеспечен наращиванием экспортно-ориентированного производства на территории Новгородской области. Только за 9 месяцев 2003 экспорт в страны Балтии превысил показатели предыдущего года на 8,3 млн. долларов. Данное объяснение подтверждается и тем фактом, что из общего объема внешнеторгового оборота Новгородской области со странами Балтии за 9 месяцев 2003 года (43,404 млн. долларов США) импорт из Эстонии, Латвии и Литвы составлял только 0,704 млн. долларов. Такая несбалансированность определяет доминирование «новгородских интересов» в экономических связях со странами Балтии.

Большая устойчивость экспортных потоков Новгородской области в страны Балтии (несмотря на расширение ЕС) в значительной степени связана с тем, что обеспечена поставками продукции предприятий с иностранным участием, транснациональных корпораций. Доля предприятий с участием иностранного капитала в объеме выпуска промышленной продукции Новгородской области за 2003 год превысила 60% , в то время как в целом по России этот показатель близок к 4%. Доля иностранных фирм в экспорте составила около 60%, в импорте около 50%. Помимо экспорта продукции пищевых и кондитерских предприятий («Дирол», «Кедберри»), растут поставки в страны Балтии и предприятий других отраслей с иностранным участием (*Таблица 1*).

По данным за 2003 год Новгородская область экспортировала в страны Балтии следующие основные виды продукции:

– в Эстонию – древесину и продукцию деревообработки, удобрения, мебель и постельные принадлежности, органические химические соединения, стекло и изделия из него, пластмассы, керамические изделия;

– в Латвию – удобрения, древесину и изделия из нее, продукты и соединения неорганической химии, органические химические соединения, различные пищевые продукты, пластмассы и производимую из них продукцию, керамические изделия, алюминий и изделия из него, мебель и постельные принадлежности;

– в Литву – разнообразные пищевые продукты, удобрения, древесину и изделия из нее, овощи и корнеплоды, стекло и продукцию стекольной промышленности, оборудование, керамику, изделия из зерна, хлебных злаков и муки.

Важную роль в развитии внешнеэкономических связей Новгородской области со странами Восточной Балтики играют транспортные компании. Так, по данным Литовской ассоциации международных перевозчиков LINAFA, более 50% рейсов литовских транспортников приходится на российское направление (в том числе, и на его «новгородскую» составляющую), и в этом бизнесе занято свыше 30 тысяч человек. Мощные логистические центры, ориентированные на обслуживание грузового потока в Россию и из нее в настоящее время строятся и модернизируются в Латвии и Эстонии.

В импорте из стран Балтии преобладают текстильные изделия, корма для животных, мебель, изделия из пластмассы, средства наземного транспорта и оборудование. В целом, импорт из Эстонии, Латвии и Литвы составляет 0,4% общего объема импорта области, а внешнеторговый оборот с этими странами достигает 8,2% от общего объема внешнеэкономической активности (*Таблицы 3 и 5*).

На фоне относительно скромного товарооборота, успешно развивается инвестиционная активность прибалтийских компаний на территории Новгородской области. По состоянию на конец июня 2004 г. зарегистрировано 44 организации с участием капитала стран Балтии, из них – латвийских – 27, эстонских – 10 и литовских – 7. Основными сферами деловой активности латвийских, эстонских и литовских предприятий являются лесозаготовка и деревообработка, производство строительных материалов и строительномонтажные работы, переработка молока.

Среди наиболее крупных инвестиционных проектов, реализованных на территории Новгородской области – строительство и пуск производственных линий пищевой компании «Лакто-Новгород» (Эстония-Россия), расположенной в Старорусском районе. Предприятие занимается производством, переработкой и реа-

лизацией молочной и сельскохозяйственной продукции. Общая сумма инвестиций – 1 млн. долларов США. Количество рабочих мест – 138. В Демянском районе латвийские бизнесмены в мае 2003 года запустили производство молочных продуктов под маркой «Селигерская росинка» с объемом инвестиций 0,6 млн. долларов США. Крупный инвестиционный проект в сфере экологии «Строительство образцовой свалки в Новгородской области» реализуется в г. Боровичи на основе трехстороннего договора между Финляндией, Россией и Эстонией. Роль Эстонии в этом проекте заключается в передаче опыта по технологиям его реализации и закреплению достигнутого уровня экологической защиты.

Привлекательность Новгородской области для иностранных (в том числе, балтийских) инвесторов основывается как на объективных факторах (выгодное географическое положение между Москвой и Петербургом, близость к границам ЕС со странами Балтии), так и политикой региона: благоприятной инвестиционной средой (льготное инвестиционное законодательство, сложившаяся система поддержки предпринимательства и созданная бизнес-инфраструктура); позитивным отношением региональной власти к инвесторам и связанной с этим практикой сопровождения инвестиционных проектов кураторами из числа руководителей области и местных органов власти, не вмешивающимися во «внутренние» дела фирмы и работающими с инвестором с момента принятия решения о реализации проекта и регистрации предприятия до начала производства, а, впоследствии, и в период его функционирования; наличием вторичного рынка земли; развитой системой подготовки квалифицированного персонала и специалистов для рыночной экономики. Все это обеспечивает Новгородской области лидирующие позиции по инвестиционной привлекательности среди российских регионов.

В последние два года со странами Балтии активно развиваются деловые, культурные, образовательные и спортивные связи. Отличаются стабильностью отношения между Еврофакультетом Университета г. Тарту и Новгородским Государственным Университетом имени Ярослава Мудрого. Развитию культурных связей Новгородской области со странами Балтии способствуют мероприятия, проводимые под эгидой Международных Ганзейских дней. Официальные делегации и фольклорные коллективы представляли Великий Новгород в Таллине и Пярну. С 2003 года успешно раз-

виваются молодежные обмены: в Вильнюсе на международном театральном фестивале принимал участие Новгородский городской театр для детей и молодежи «Малый», а на международном турнире в Таллине выступала юношеская команда по баскетболу муниципальной спортивной школы олимпийского резерва «Манеж».

По линии сотрудничества муниципалитетов Таллин и Новгород с 2002 г. обмениваются делегациями специалистов в сфере развития жилищно-коммунального хозяйства. Стало регулярным участие Администрации Великого Новгорода, совместно с НовГУ в конференциях и семинарах в странах Балтии в сфере городского развития, градостроительства и коммунального хозяйства в рамках программы Балтийского университетского городского форума. Так, 3-7 марта 2004 в городах Елгава и Ливаны (Латвия) новгородская делегация приняла участие в международной конференции на тему урбанистики и ЖКХ.

В рамках сотрудничества с муниципалитетом латвийского города Валмиера в 2003 году состоялись визиты в Великий Новгород латвийских журналистов, представителей учебных заведений и спортивных делегаций. В течение года проводились совместные новгородско-литовские конференции и выставки, в том числе, и с участием торгово-промышленных палат двух регионов.

Отдельным направлением новгородско-балтийских отношений является сотрудничество с русскоязычными общинами и организациями соотечественников в этих странах. В ходе конференции «Объединения и организации соотечественников в странах Балтийского региона и их взаимодействие с субъектами Российской Федерации» (сентябрь 2003 г., Таллин) были достигнуты договоренности о развитии связей в гуманитарной области, сфере образования и здравоохранения. В рамках взятых на себя обязательств Новгородская областная администрация и областная комиссия по делам соотечественников в ноябре 2003 года приняли делегацию из эстонского города Маарду в количестве 30 человек, прибывших для участия в обучающем семинаре по теме «Трудный подросток: обучение, воспитание. Новые технологии. Психологическая служба».

В плане социально-экономического развития области на 2004 год предусмотрено развитие этого направления международного сотрудничества, включающее в себя проведение совместной с эс-

тонской стороной олимпиады по русскому языку для школьников старших классов русских школ, организацию лагеря отдыха для подростков с углубленным изучением русского языка и литературы, проведение краткосрочных курсов повышения квалификации для учителей истории, химии и биологии, а также воспитателей детских садов. С 2004 года Новгородская сторона планирует регулярно принимать из Эстонии ветеранов и участников Великой Отечественной войны для прохождения бесплатного курса реабилитационного и оздоровительного медицинского обслуживания в клиниках Великого Новгорода, Валдая и на курорте Старая Русса.

В свою очередь в последние пять лет МИД Эстонии и Латвии посредством активной деятельности своих Генеральных консульств в Санкт-Петербурге, а также через формирование и отправку представительных национальных делегаций предпринимали шаги к развитию прямых политических, экономических и культурных контактов с Новгородской областью. Так, в апреле 1999 года Администрацию Новгородской области для ведения переговоров о перспективах сотрудничества посетила латвийская правительственная делегация, в состав которой входили два национальных министра и высокопоставленные дипломаты. В ноябре 2003 года в адрес губернатора М. Прусака поступило предложение сопредседателя рабочей группы по экономическому сотрудничеству МИД Эстонии о проведении в Великом Новгороде официальной встречи.

По оценкам новгородских экспертов в сфере экономики, действия правительств Эстонии и Латвии, направленные на активизацию трансграничного сотрудничества с областями Северо-Запада России, в основном предприняты под давлением местного бизнеса, работающего в сфере обслуживания грузопотока, и структур ЕС, закономерно полагающих, что быстрая интеграция стран Балтии в европейское экономическое пространство только за счет собственных ресурсов стран региона Балтийского моря и помощи Запада невозможна. Страны Балтии заинтересованы в сохранении и наращивании российского транзитного потока через свою территорию.

В свою очередь в сферу интересов Новгородской области в рамках сотрудничества с Эстонией, Латвией и Литвой входят:

– развитие торговли и экономического приграничного сотрудничества в рамках региональных и субрегиональных связей;

- развитие транспортной инфраструктуры региона и ее подключение к системе европейских транспортных коридоров, что будет способствовать и оптимизации внутрироссийских транспортных потоков («коридор 9А»);
- реализация совместных социальных программ, сотрудничество в сфере здравоохранения;
- расширение экологического сотрудничества в сфере очистки сточных вод и утилизации промышленных и бытовых отходов;
- развитие туризма.

Препятствиями на пути развития такого рода сотрудничества являются избыточные барьеры для предпринимательской деятельности, отсутствие развитой финансовой и банковской инфраструктуры, системы правовой защиты отечественных и иностранных инвесторов, отсутствие ясной программы повышения финансовой прозрачности предприятий и организаций, отсутствие эффективной государственной внешнеэкономической политики, обеспечивающей дополнительные рынки сбыта для экспортной продукции.

Кроме того, серьезным барьером на пути развития всестороннего сотрудничества регионов Северо-Запада России со странами Балтии являются нерешенные на федеральном уровне политические проблемы, поиск компромиссов по которым входит в компетенцию Министерств иностранных дел России, Эстонии, Латвии и Литвы.

Таблица 1.
Экспортные поставки продукции предприятий
с иностранными инвестициями в страны Балтии

Компания	Наименование продукции	Страна
ЗАО «Новтрак» (Германия)	Полуприцепы	Эстония
ОАО «Урса Чудово» (Испания)	Стекловата	Эстония, Латвия, Литва
ЗАО «ДС Контролз» (США)	Трубопроводная арматура	Литва
ООО «Чиза-Эльбор» (Италия)	Замки металлические	Литва
ООО «Интервуд»	Доска обрезная	Латвия
ООО «Трансфорест» (Турция-Швейцария)	Пиломатериалы обрезные хвойных пород	Эстония
ООО «Ильмень-Сеи» (Германия)	Доска обрезная	Эстония
ОАО «Стром-Л» (Россия-США)	Обработанные лесоматериалы хвойных пород	Эстония

Таблица 2.
Инвестиции из стран Балтии в общем объеме иностранных инвестиций в Новгородскую область (в %)

Год	1998	1999	2000	2001	2002	2003
% от общего объема	1,1	0,3	4,2	-	0,2	0,3

Таблица 3.
Внешнеторговый оборот Новгородской области со странами Балтии (млн. долларов США)

	2000	2001	2002	2003	Удельный вес в общем объеме (2003 г., в%)
Внешнеторговый оборот области (всего)	348,9	449,8	535,9	711,3	100
В том числе с:					
Эстонией	57,6	15,3	17,7	27,7	3,9
Латвией	55,6	10,4	11,3	20,2	2,8
Литвой	5,2	4,3	6,1	10,8	1,5
Всего со странами Балтии	118,4	30,0	35,1	58,7	8,2

Таблица 4.
Экспорт из Новгородской области в страны Балтии (млн. долларов США)

	2000	2001	2002	2003	Удельный вес в общем объеме (2003 г., в%)
Экспорт всего	271,6	318,8	374,6	438,8	100
В том числе в:					
Эстонию	56,8	14,5	17,0	27,1	6,2
Латвию	55,4	10,3	11,1	19,9	7,3
Литву	5,1	3,8	5,2	10,6	2,4
Всего в страны Балтии	117,3	28,6	33,3	57,6	13,1

Таблица 5.
Импорт в Новгородскую область из стран Балтии (млн. долларов США)

	2000	2001	2002	2003	Удельный вес в общем объеме (2003 г., в%)
Импорт всего	77,4	131,0	161,3	272,5	100
В том числе из:					
Эстонии	0,8	0,8	0,7	0,6	0,2
Латвии	0,2	0,1	0,2	0,3	0,1
Литвы	0,1	0,5	0,9	0,2	0,07
Всего из стран Балтии	1,1	1,4	1,8	1,1	0,4

Примечания

¹ Губернатор Новгородской области М.М. Прусак до ноября 2001 г. руководил Комитетом по международным делам Совета Федерации России, являлся членом делегации России в Парламентской Ассамблее Совета Европы (ПАСЕ) и занимал пост заместителя Председателя Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Член Совета Федерации ФС РФ от Новгородской области Г.Э. Бурбулис входит в состав делегации Федерального Собрания в Парламентской Конференции стран Балтийского моря.

**Леонид Карабешкин
Дмитрий Нечипорук
Дмитрий Лебедев**

СОТРУДНИЧЕСТВО ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ С ЛАТВИЕЙ И ЭСТОНИЕЙ: ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО¹

Власть

Распад СССР поставил руководство Псковской области перед необходимостью выстраивания отношений с ближайшими вновь созданными государствами – Латвией и Эстонией – на новой рыночной основе с учетом того, что административная граница превратилась в государственную со всеми ее атрибутами. Заинтересованность региона в связях с Эстонией и Латвией обуславливалась как попыткой сохранения сложившихся в советское время экономических связей, разрыв которых грозил самыми неблагоприятными последствиями для хозяйствующих субъектов, так и значительным количеством гуманитарных (в первую очередь, родственных) контактов между населением Псковщины и стран Балтии (по оценкам экспертов, только в Латвии имеет родственные связи каждый второй житель области). Кроме того, в силу неурегулированности пограничных вопросов на межгосударственном уровне (между Россией и Эстонией, Россией и Латвией), ряд аспектов двусторонних отношений де-факто нашел свое разрешение на уровне региона.

В 1992 г. отдел внешних связей Псковского облисполкома преобразуется в Комитет по внешним связям Администрации Псковской области, на который возлагаются функции упорядочения международных и внешнеэкономических связей региона. В этом же году подписывается соглашение о сотрудничестве между Псковской областью и Латвией, вскоре, однако, аннулированное федеральным центром как не соответствовавшее действовавшему законодательству. Это, однако, не прервало усилия руководства области по налаживанию связей с соседними странами. Представители области включаются в состав больших делегаций, занимавшихся

разработкой договоров между Россией, Латвией и Эстонией. По известным причинам, к настоящему времени договоры о границе с этими странами не подписаны. В связи с этим, не подписаны и разработанные соглашения между администрацией Псковской области и министерством экономики и транспорта Латвийской республики, по приграничному сотрудничеству между Псковской областью и Латвией, Псковской и Ленинградской областей с Эстонией. Эксперты обращают внимание и на отсутствие всеобъемлющих соглашений о сотрудничестве между Псковской областью и сопредельными странами.

Кроме того, администрация Псковской области подготовила соглашения по судоходству в бассейне Псковско-Чудского водоема и соглашение о пунктах пропуска между Российской Федерацией и Эстонской республикой, которые впоследствии были подписаны уполномоченными лицами федерального центра и Эстонии. По мнению представителя обл администрации В.П. Лопатина, последний документ косвенно снял территориальные претензии со стороны Эстонии на Печоры и прилегающий район. Губернатор Псковской области Е. Михайлов оценил факт подписания Соглашения о пунктах пропуска на российско-эстонской границе в 2002 г. как пример решения региональных задач с помощью правительств двух стран². При деятельном участии областных властей готовилось временное соглашение о сотрудничестве жителей приграничных районов Псковской области и Латвии, которое было аннулировано в связи со вступлением ЛР в Евросоюз. Псковская область неоднократно, в частности, на Госсовете летом 2002 г., выступала с инициативой о скорейшем подписании и ратификации договоров о границе между Россией и Эстонией и Латвией, а также о реанимации деятельности соответствующих межправительственных комиссий.

Еще один канал влияния на федеральную политику в регионе Балтийского моря – использование ресурса представителя Псковской области в Совете Федерации М. Маргелова, возглавляющего комитет по международным делам верхней палаты парламента, что способствует разрешению вопросов приграничного сотрудничества и взаимоотношений со странами Балтии. Роль М. Маргелова оценивается экспертами как эффективная. Этому способствует и взвешенная позиция, которую он занимает по различным аспектам российско-балтийских отношений. В 2003 г. с участием

М. Маргелова состоялись поездки парламентских делегаций России с участием представителей Псковской области в Эстонию, а также в Латвию. Выступая за необходимость налаживания диалога, Маргелов признает, что не все попытки этого были успешными (имея, в первую очередь, Латвию)³.

Другие эксперты, признавая, что областная исполнительная власть предпринимает определенные шаги по налаживанию взаимоотношений с Латвией и Эстонией, склонны считать их недостаточно эффективными. Отвечая на вопрос интервьюера о том, насколько определяющую роль играет федеральный фактор, президент Торгово-промышленной палаты Псковской области В. Зубов отметил, что не все запрограммировано на федеральном уровне, а политика региональных властей может идти как в русле федеральной, так и вопреки ей (в рамках действующего законодательства), необходимо доказывать свою особость, «порождать собственные идеи, доказывать правительству его неправоту» и т.д. На данном этапе можно говорить о невнятной политике региональных властей на фоне невнимания федеральных. Фактором, ограничивающим возможности региональных властей по отстаиванию своих интересов на федеральном уровне, является слабость экономики Псковской области и зависимость ее бюджета от дотаций федерального центра.

Сдерживающее воздействие на инициативность псковских властей оказывает определенное разочарование от результатов уже проведенных мероприятий (в частности, конференций и встреч) в силу изначально завышенных ожиданий.

В целом можно говорить о том, что международное сотрудничество, в первую очередь с соседними странами, рассматривается руководством области в качестве одного из главных способов, способных способствовать улучшению экономической ситуации в регионе. Еще в 1994 г. администрация Псковской области выступила с инициативой создания Еврорегиона «нового типа» с участием приграничных территорий Псковской области, Латвии и Эстонии. В 1996 г. в развитие этой идеи создается Совет приграничного сотрудничества с участием Алуксненского района Латвии, Вырусского уезда Эстонии и Администрации Псковской области, который занимался вопросами сотрудничества в социальной сфере, образовании, культуре. Процесс расширения ЕС придал новый импульс еврорегионостроительству в Псковской области. В начале

2000-х годов появляются концепции еврорегионов «Псковская область – Эстония» и «Псковская область – Латвия». Основным интересом псковских властей, которые выступили в роли движущей силы создания еврорегионов, выступало привлечение инвестиций.

В 2003 г. с участием российских и зарубежных консультантов появляются проекты создания еврорегионов «Плескава» и «Псков-Ливония». По составу предполагаемых участников они являются идентичными. Первый еврорегион имеет поддержку Администрации Псковской области, в то время как второй – результат сотрудничества приграничных муниципалитетов. Налицо конкуренция между областным и муниципальным уровнями власти за лидерство в процессе «еврорегионального» строительства.

На данный момент проведен ряд согласований и получено согласие МИД РФ на подписание пакета документов по созданию Еврорегиона. Псковская область исходит из необходимости создания Еврорегиона по всей протяженности границы, включая Гдовский и Себежский районы. Сохраняются препятствия со стороны Эстонии, так как не все заинтересованные в участии в еврорегионе уезды этой страны относятся к приграничным. Кроме того, проходит административная реформа в Латвии.

Новую динамику развитию сотрудничества Псковщины и стран Балтии придает вступление Латвии и Эстонии в ЕС 1 мая 2004 г. Впрочем, эксперты неоднозначно оценивают возможные последствия расширения ЕС. По мнению В. Лопатина, вступление стран Балтии в ЕС будет иметь позитивные последствия. В частности, речь может идти о создании новых рабочих мест в транспортно-транзитной отрасли, на территории области уже создаются перевалочные базы для большегрузного автотранспорта. Кроме того, в связи с отменой двойного таможенного обложения эстонского импорта после расширения ЕС, эксперты ожидали «легализации» поставок продукции из этой страны.

В. Зубов считает, что объективные экономические законы и логика интеграционных процессов в ЕС приведет к повышению стоимости рабочей силы в странах Балтии, вынуждая балтийских предпринимателей переводить производство в приграничные регионы России. Кроме того, можно ожидать того, что страны Балтии будут стремиться занять посредническую нишу между ЕС и Россией, а степень их заинтересованности в российском рынке

возрастет⁴. Однако, среди перспективных направлений сотрудничества эксперты называют не только инвестиции и торговлю. К примеру, Псковская область испытывает дефицит квалифицированных менеджеров, который может быть частично восполнен странами Балтии. С другой стороны, расширяется спрос на квалифицированную рабочую силу в странах Балтии. Причем если сейчас речь идет в основном о рабочих специальностях (уже сейчас эстонское законодательство допускает использование квалифицированных рабочих из-за рубежа без оформления разрешения на работу на срок до полугода), то в будущем может сформироваться спрос и в других сферах – в частности, на медицинский персонал.

В то же самое время, как показывает экспертный опрос, проведенный в Псковской области Центром социального проектирования «Возрождение», только около половины респондентов из числа представителей предпринимательских кругов положительно оценивали последствия вступления Эстонии и Латвии в ЕС для Псковской области (среди политиков и общественных деятелей этот показатель существенно выше)⁵. Во многом это объясняется осознанием недостаточной развитости и конкурентоспособности промышленности региона. С учетом этого, экономика Псковской области не может в полной мере ощутить новые возможности, открывающиеся в связи с расширением ЕС.

Заинтересованность Псковской области в интенсификации сотрудничества с балтийскими соседями на современном этапе подчеркивается тем, что инвесторы из Латвии и Эстонии – в числе лидеров иностранных инвестиций в регионе. Так, в I квартале 2004 г. в Псковскую область поступило 1, 23 млн. долларов иностранных инвестиций, что на 0,51 млн. долларов больше, чем за аналогичный период прошлого года. Доля Латвии – 72,5% , Эстонии – 6,4% (третье место). Из более чем 110 совместных предприятий, зарегистрированных в области, около половины – с латвийским участием, а 19 – эстонским⁶. Среди значимых инвестиционных проектов можно выделить пищевые предприятия – Островский молочный комбинат, рыбоперерабатывающий комбинат «Гдов».

Тем не менее, общий объем накопленных иностранных инвестиций в Псковскую область относительно невелик и составляет всего около 25 млн. долларов⁷. Среди причин, определяющих низкую привлекательность региона для инвесторов и, одновременно,

недостаточный потенциал для развития трансграничного сотрудничества, эксперты называют отсутствие развитой промышленной и бизнес-финансовой инфраструктуры, вялотекущий экономический рост, узость внутреннего потребительского рынка, усугубляющуюся, несмотря на внешнюю миграцию, демографическую ситуацию (только за I квартал 2004 г. население области сократилось на 0,4% ⁸!) и самые низкие доходы населения в Северо-Западном федеральном округе, административные барьеры. Как отмечает Л. Шлосберг, в странах Балтии еще не увидели в Псковской области перспективного экономического партнера. Псковско-балтийское сотрудничество пока не приобрело системный характер, сохраняя зависимость от личных связей и контактов.

Общество

Отсутствие развернутых социологических исследований затрудняет количественное определение общественной потребности в развитии отношений со странами Балтии. Тем не менее, некоторые выводы могут быть сделаны по косвенным данным. Можно констатировать, что «приграничный фактор», подразумевающий более лояльное отношение к своим соседям, характерен и для Псковской области. Так, налицо более положительное отношение псковичей к Латвии и Эстонии, чем в среднем по России: «дружественно» и «скорее дружественно» к Эстонии и Латвии относятся 43% и 42% жителей соответственно. И лишь 14% и 18% – «враждебно» и «скорее враждебно» (по всей видимости, на формирование более негативного отношения к Латвии по сравнению с Эстонией оказывает влияние характер информации, поступающей по центральным российским СМИ, в частности, по вопросу о положении русскоязычных меньшинств). В среднем по России, от 8 до 20% опрошенных определяли страны Балтии в качестве противников и только 4 – 9% – как союзников⁹. В то же самое время, налицо более негативные оценки сопредельных стран, чем в ряде других приграничных регионов Северо-Запада. Для сравнения: в Калининградской области 50% и 56% респондентов отметили позитивное отношение к Литве и Польше, негативное – 12 и 4% соответственно, а в Карелии по отношению к Финляндии испытывают дружественные чувства 70% (!) при статистически малозначимом числе негативных оценок¹⁰. Представляется, что одним из

важнейших факторов, определяющих отношение к зарубежным партнерам, остается степень вовлеченности населения в различные проекты трансграничного и приграничного сотрудничества и успешности этих проектов.

Относительно высокие показатели субъективного отношения к странам Балтии как субъектам мировой политики (по шкале «дружественности») населения Псковской области, вероятно, были бы еще выше по вопросу о необходимости развития экономических связей. Аналогичный опрос применительно к ЕС в целом, проведенный центром «Возрождение», показал, что более 53% населения убеждены: развитие сотрудничества со странами ЕС необходимо, и это принесет пользу экономике России¹¹. А по данным Агентства социальной информации, только 5% псковичей относятся негативно к перспективе вступления в ЕС, что значительно ниже, чем в Калининградской области (18%) и Карелии (12%)¹². Такой результат, помимо прочего, подчеркивает не критическое отношение к ЕС в силу более низкой информированности населения по сравнению с другими регионами.

Наличие определенного негативного отношения населения к Латвии и Эстонии и линия федерального центра на балтийском направлении находят отражение и в риторике региональных властей. Наблюдатели отмечают, что хотя представители региональной власти в своих заявлениях, нацеленных на местную аудиторию, как правило, выступали с более критическими оценками стран Балтии, нежели в тех же самых балтийских странах¹³, при использовании внешнеполитической проблематики в электоральных целях в основном избирались вопросы, не связанные с Латвией и Эстонией¹⁴. При этом руководители региона подчеркивали единство позиций региона и федерального центра по отношению к странам Балтии¹⁵.

Тема приграничного сотрудничества мало отражается в периоды предвыборной борьбы в Псковской области. По мнению экспертов, она не была озвучена и заявлена ни в одной из предвыборной программ, ни одним из кандидатов в депутаты Госдумы РФ, ни одной политической партией. Хотя важность данной проблематики политиками осознана, перспективы использования данной темы в предвыборных целях неясны и требуют дополнительных исследований. Как отмечает Л. Шлосберг, «тема границы болезненная и сложная. Поднять ее в политической дискуссии очень

опасно, потому-то реально изменить что-либо не возможно». Кроме того, по мнению Шлосберга, большинство населения еще не видит в развитии сотрудничества с сопредельными странами ресурс, способный способствовать улучшению жизненных условий. На фоне низкой информированности населения о возможных выгодах сотрудничества и реальном состоянии дел в сопредельных регионах Латвии и Эстонии, вопросы приграничного сотрудничества могут вызвать отторжение и раздражение избирателя. Данное предположение подтверждается результатами опросов. Псковичи оказались и наименее информированными о проектах международного сотрудничества по сравнению с жителями Калининградской области и Карелии. Только 30% заявили «определенно что-то знаю» (в Карелии и Калининградской областях – 51% и 68% соответственно), а 33 % ответили «нет, не знаю» о таких проектах¹⁶.

Повышению информированности населения по вопросам трансграничного сотрудничества способствовало бы его более активная вовлеченность в различные международные проекты и повышение трансграничной мобильности. В настоящее время мобильность населения Псковской области относительно низка по сравнению с другими регионами российского Северо-Запада. Так, только 12% опрошенных Агентством социальной информации указали, что в последние три года они выезжали за рубеж (в Карелии – 17% , в Калининградской области – 28%)¹⁷. При этом по данным опроса, проведенного группой «Циркон» в 2000 г., в целом по России только 11% респондентов заявили, что хотя бы раз в жизни выезжали в дальнее зарубежье¹⁸. При этом целью выезда за границу для большинства псковичей (46%) являлось посещение родственников и друзей, что выше, чем у жителей Карелии и Калининградской области (42% и 32% соответственно).

В этой связи, развитие транспортно-туристических проектов, в частности, водного сообщения между Псковом и Тарту, правомерно рассматривать не только с точки зрения экономической целесообразности, но и как средство повышения мобильности населения и формирования его заинтересованности в развитии международного сотрудничества.

Вместо заключения

Настоящий обзор показал, что в настоящее время трудно говорить о наличии сформировавшейся заинтересованности населения и, в меньшей степени, бизнеса, в развитии трансграничных и приграничных связей со странами Балтии. Этому препятствуют недостаточная информированность и вовлеченность в различные формы сотрудничества, во многом, проистекающие от низкой мобильности и уровня жизни населения. Интересы регионального бизнеса пока еще редко выходят за пределы Псковской области, а его конкурентоспособность по сравнению с соседними странами остается низкой. В этой ситуации нельзя говорить об адекватной артикуляции интересов населения и бизнеса региональными властями. Тем не менее, региональные и, постепенно, местные власти, предпринимают шаги (хотя и не всегда эффективные и зависящие от инициативности отдельных чиновников), направленные на налаживание псковско-балтийского сотрудничества, рассматривая его в качестве перспективного способа преодоления социально-экономической стагнации в регионе. Критерием эффективности региональной политики внешних связей можно рассматривать постепенный переход инициативы приграничного и трансграничного сотрудничества «сверху вниз».

Примечания

¹ При подготовке настоящего обзора использованы материалы интервьюирования ряда известных общественных деятелей и представителей органов власти Псковской области, проведенного по заказу Центра интеграционных исследований и проектов осенью 2003 г., а также: Порог Европы. Влияние европейского трансграничного сотрудничества на региональное экономическое развитие Псковской области / Под ред. Л.М. Шлосберга. Псков: Центр социального проектирования «Возрождение», 2004. 210 с.; Моделирование Еврорегиона для Псковской области / Под ред. Л.М. Шлосберга. Псков. Центр социального проектирования «Возрождения», 2004. 104 с.; Восприятие населением региональных проблем на Северо-Западе России – вызовы мягкой безопасности. Аналитический отчет по результатам социологических исследований (сентябрь-октябрь 2003 г.) СПб.: Агентство социальной информации, Гуманитарно-политологический центр «Стратегия», ноябрь 2003. 101 с.; отдельная благодарность за содействие М. Б. Горному (Гуманитарно-политологический центр «Стратегия», Санкт-Петербург).

² См.: Жигулин А. Псковский формат // Молодежь Эстонии. 27 июня 2002.

³ См.: Захаров А. Михаил Маргелов: «Мы никогда не будем агрессорами». Интервью с М. Маргеловым (<http://pln.ru/interviews/14999.html>).

⁴ На это указывают и авторы Концепции социально-экономического развития Псковской области (Руководитель авторского коллектива – С. Перелыгин, Центр стратегических разработок – «Северо-Запад», Санкт-Петербург, 2004).

⁵ Порог Европы. Влияние европейского трансграничного сотрудничества на региональное экономическое развитие Псковской области / Под ред. Л.М. Шлосберга. Псков: Центр социального проектирования «Возрождение», 2004. С. 46.

⁶ Информбюллетень ТПП Псковской области. 2003. № 6 (47) (www.cci.pskov.ru/bulleten/index.phtml?47_121).

⁷ ИА Северинформ. 7 мая 2004.

⁸ По данным Псковского облкомстата. См.: www.pskov.ru/socpoloz/stat/sppr.html

⁹ См.: Задорин И., Коноваленко Д. Внешнеполитические ориентиры россиян: чувствительность и устойчивость к информационному воздействию. Аналитический доклад. Версия 01.03.2002. (www.zirkon.ru; www.levada.ru/interrelations).

¹⁰ Восприятие населением региональных проблем на Северо-Западе России – вызовы мягкой безопасности. Аналитический отчет по результатам социологических исследований (сентябрь-октябрь 2003 г.) СПб.: Агентство социальной информации, Гуманитарно-политологический центр «Стратегия», ноябрь 2003. 101 с.

¹¹ Порог Европы. С. 44.

¹² Восприятие населением региональных проблем.

¹³ В 1999 г. на Е. Михайлов сказал: «Никогда Россия не смирится с тем, что русские находятся в неполноправном положении... Я думаю, что русские должны быть среди тех, которые имеют право выбирать тех, кто ими руководит». Цит. по: Радио «Свобода». Программа «Выборы – 99». 07.01.1999 (www.svoboda.org/programs/EL/1999/EL.010799.asp); в 2001 г. Е. Михайлов положительно оценив динамику отношений России со странами Балтии и интенсивно развивающиеся межрегиональные связи, отметил, что «для России совершенно неприемлемо, когда сотни тысяч наших соотечественников не имеют элементарных прав». Цит. по: ИА Росбалт, 15.11.2001.

¹⁴ Cf.: Roll G., Maximova T., Mikenberg E. External Relations of the Pskov Oblast of Russia. Kiel: Schiff Texte, 2001. 27 p.

¹⁵ Павук О. Будем думать о будущем. Интервью с Е. Михайловым // Балтийский курс. Лето 2004.

¹⁶ Восприятие населением региональных проблем.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Задорин И., Коноваленко Д. Внешнеполитические ориентиры россиян.

II. Россия и русские в политике стран Балтии

Гедиминас Виткус
Виргилиус Пугачаускас

РОССИЙСКИЙ ФАКТОР ЛИТОВСКОЙ ПОЛИТИКИ

Введение

Период нормализации отношений между бывшими колониями и метрополиями всегда занимает длительное время, а сам этот процесс характеризуется кризисами и потеплениями. Отношения между странами Балтии и Россией также преодолели подобный ход исторического развития. И, казалось бы, к настоящему времени достигнуто немало – из Прибалтики выведены российские войска, военный и гражданский транзит в Калининградскую область функционирует удовлетворительно, а экономические отношения стабилизировались. Однако, несмотря на прошествие более десяти лет со времени восстановления независимости стран Балтии, необходимо признать, что процесс нормализации отношений далеко не завершен, а нерешенные проблемы в российско-балтийских отношениях сохраняются.

До конца не создана правовая база двустороннего сотрудничества. В данной связи уместно вспомнить, что страны Балтии, за исключением Литвы, до сих пор не преуспели в юридическом закреплении своих границ с Россией соответствующими соглашениями. Наконец, существуют две специфические проблемы, которые постоянно осложняли российско-балтийские отношения и, в известной степени, предопределили фактическое состояние малой региональной холодной войны в течение последнего десятилетия с этими странами. Речь идет о безусловном решении всех трех стран Балтии получить гарантии безопасности в рамках членства в НАТО и неудовлетворительном, с точки зрения России, правовом статусе русскоязычного населения в Латвии и Эстонии.

Эта статья фокусирует внимание на литовской политике и факторе России в ней. Хотя по своей сути литовский случай и проблемы не отличаются существенно от положения других стран

Балтии – Латвии и Эстонии – однако, благодаря историческим, демографическим, культурным и даже геополитическим причинам, он обладает особыми чертами, зачастую ускользающими от взора исследователей, стремящихся к чрезмерным генерализациям. Так или иначе, Литва всегда проводила более последовательную и жесткую линию по отношению к России.

До развала Советского Союза Литва более категорично, чем другие республики Прибалтики, требовала предоставления независимости. 11 марта 1990 г. Верховный Совет Литвы первым провозгласил бескомпромиссную декларацию независимости¹. Эта однозначная линия сохранилась и в дальнейшем. Литва четко определилась с курсом на вступление в НАТО. В последующем логично большой резонанс для российско-литовских отношений имело принятие 13 июня 2000 г. Сеймом Литовской республики Закона о компенсации ущерба, нанесенного в период советской оккупации. Закон предписывает Правительству ЛР инициировать переговорный процесс и постоянно стремиться к получению компенсации со стороны Российской Федерации литовским гражданам и государству за ущерб, нанесенный в период советской оккупации².

С другой стороны, как ни парадоксально это звучит, именно Литве удалось установить наилучшие отношения с Россией среди стран Балтии. Литве удалось добиться более раннего вывода российских войск. В настоящее время, Литва является единственным государством Балтии и даже бывшего СССР, которое имеет юридически закрепленные границы и соглашение о реадмиссии с Россией. Одно из возможных объяснений этого – сравнительно небольшая доля этнических русских (только 8,7%) по сравнению с Эстонией и Латвией (28,1 и 29,6% соответственно³). Еще 3 ноября 1989 г. при принятии Закона о гражданстве, было зафиксировано право всех жителей Литвы, вне зависимости от этнической принадлежности, приобрести гражданство Литвы⁴. В то же самое время в Латвии и Эстонии, куда в советское время прибыло большее количество колонистов, было принято противоположное решение, ставшее одной из причин до сих пор не преодоленного конфликта этих стран с Россией.

Хотя это объяснение и может быть принято, однако, по нашему мнению, оно обладает ограниченной объяснительной силой. С нашей точки зрения, для понимания того факта, что именно Литва и Россия в наибольшей степени преуспели в достижении прогресса

на пути нормализации двусторонних отношений, необходимо учесть как минимум два обстоятельства. Первое из них – специфическое международное окружение, которое почти все десятилетие благоприятствовало нормализации отношений. Россия вывела свои войска из Литвы, оказавшись под жестким международным прессингом ОБСЕ. Россия была вынуждена смириться с расширением НАТО, так как данный проект был однозначно поддержан США, несмотря на сопротивление России и сомнения Западной Европы. В дальнейшем, после длительной задержки, Россия была вынуждена ратифицировать договор о границе и подписать соглашение о реадмиссии, так как на кону стояли хорошие отношения с Евросоюзом и цивилизованный транзит в направлении Калининградской области.

Однако, наиболее важным обстоятельством, предопределившим курс на нормализацию отношений с Россией, конечно, стала разумно направленная политическая воля в самой Литве и соответствующая внешнеполитическая линия. Отсутствие такой политики сделало бы невозможным ни формулирование соответствующих позиций в отношении с Россией, ни необходимую мобилизацию международной поддержки. Настоящая статья посвящена детальному исследованию именно этого обстоятельства. С одной стороны, мы представим картину того, как российский фактор воспринимается и оценивается в сегодняшней литовской политике. С другой стороны, выскажем собственное мнение и дадим оценку, почему ситуация именно такова как она есть, а также попробуем определить перспективы на будущее.

Между категорическим отторжением и прагматическим балансированием

Начало современных отношений между Литвой и Россией в 1990-1991 гг. было на редкость гармоничным и приятным исключением из наполненной перипетиями истории двусторонних взаимоотношений. На определенном этапе Литва и Россия (РСФСР) были союзниками. До тех пор, пока их интересы и характер отношений с центральным руководством СССР совпадали. На основе совпадения этих интересов 29 июля 1991 г. был подписан Договор об основах межгосударственных отношений. Кстати, в преамбуле данного договора признается факт аннексии Литвы в 1940 г., и го-

ворится, что ликвидация последствий аннексии должна способствовать росту доверия в российско-литовских отношениях⁵.

Однако, в то же самое время, нельзя забывать, что все это имело место не в рамках международной системы, а только в рамках разваливающегося на кусочки Советского Союза. Положение полностью изменилось, когда в конце 1991 г. СССР распался, а Россия унаследовала все его права и обязательства. Это подразумевало, что Литва, как и другие страны Балтии, должна была вступить в диалог об окончательном и бесповоротном демонтаже и ликвидации последствий аннексии и оккупации 1940-1991 гг. с Россией, руководство которой в новых условиях преследовало интересы, которые более не совпадали с интересами стран Балтии. Став наследницей империи, Россия приобрела довольно большие возможности и даже желание (хотя и не декларируемое открыто) контролировать ситуацию на постсоветском пространстве.

Соответственно, с точки зрения Литвы, Россия из вчерашнего союзника в борьбе с имперским центром превратилась не только в большого и могущественного соседа, но и стала рассматриваться в качестве фундаментальной угрозы безопасности и независимости страны. Руководивший литовским государством и ее внешней политикой в 1990-1992 гг. Витаутас Ландсбергис уловил и обозначил глубокие последствия этого для политики Литвы в отношении России. По мнению Ландсбергиса, Литве необходимо стремиться к укреплению понимания в среде российской политической элиты и граждан в том, что Литва – это другое государство не временно, что это не «утраченная территория», которую необходимо вернуть, а независимое государство навсегда⁶. Проще говоря, Россия в литовской политике стала таким фактором, который было необходимо свести на нет, а сами государства должны были быть четко и ясно разграничены.

Это положение может показаться странным для кого-то в Западной Европе или самой России, так как Россия не была источником сколько-нибудь серьезной военной или любой другой угрозы в течение последнего десятилетия. Однако, такая линия более понятна для наций, которые недавно получили либо восстановили свою независимость. Поэтому можно легко заметить, что три основные внешнеполитические цели – вступление в ЕС, НАТО и поддержание хороших отношений с соседними странами⁷ – имело

общий знаменатель – отмежевывание от России и однозначное утверждение самостоятельной государственности.

Конечно, было бы неправильным утверждать, что вступление Литвы в НАТО и ЕС имеет своей единственной целью избежать российских притязаний на восстановление влияния в Литве. Для страны членство в этих организациях необходимо по многим причинам, и в первую очередь потому, что 11 марта 1990 г. был инициирован проект по превращению Литвы в государство, функционирующее по европейским стандартам. Однако, абсолютно справедливо утверждение, что членство в НАТО и ЕС для Литвы необходимо также и по той причине, что оно, наконец, делает возможной окончательную нормализацию и установление стабильных отношений с Россией. Следовательно, в определенном смысле можно сказать, что ориентация Литвы на Запад, Евро-Атлантическое сообщество является составной частью литовской политики в отношении России.

Необходимо отметить, что хотя сейчас Витаутас Ландсбергис занимает лишь пост почетного председателя партии «Литовские консерваторы», положение, сформулированное (или, точнее, артикулированное) им, было и остается принципиальной позицией всех основных парламентских партий Литвы. Это можно легко установить, взглянув на их программные документы, где членство в ЕС и НАТО обозначено в качестве первостепенных приоритетов⁸. Только одна влиятельная политическая сила – социал-демократы, среди равновеликих приоритетов выделяет стремление к поддержанию хороших отношений с соседними странами (в первую очередь, с Россией и Беларусью). Однако, одновременно, неотъемлемым условием для хороших отношений с восточными соседями является признание общих демократических ценностей⁹.

С другой стороны, курс Литвы на размежевание с Россией не нацелен на расторжение всех связей с этой страной. В течение всего десятилетия российско-литовских отношений, интерес к размежеванию с Россией всегда сопровождался интересом сбалансировать и стабилизировать свои отношения с Россией. Со времен восстановления независимости, правительства Литвы стремились ограничить унаследованную зависимость от России и поощрять интеграцию в мировую экономику, и в первую очередь, в экономику ЕС. Хотя это и было нелегко, объемы литовского экспорта в Россию начали постепенно снижаться, а в ЕС – расти. Если в 1996 г.

экспорт в Россию составил 24% всего литовского экспорта, то в 2002 г. – только 12,2%. Соответственно, экспорт в ЕС за этот период увеличился с 32,9 до 48,4%¹⁰. Переломным моментом стал 1998 г., когда благодаря финансовому кризису в России многие литовские компании потеряли традиционные рынки на востоке и были вынуждены переориентироваться на запад.

С другой стороны, никогда не предпринималось попыток полностью прекратить экономические отношения с Россией, хотя бы по элементарной причине взаимной выгоды. Традиционный российский рынок остается важным для литовских товаров, несмотря на невысокую покупательную способность населения. Кроме того, Литва получает выгоду от транзита российских товаров и привлечения российских туристов. Наиболее существенным обстоятельством является тот факт, что Россия остается главным источником энергоресурсов для Литвы. Хотя в настоящее время и не существует препятствий для поставки этих ресурсов из других стран, с точки зрения экономической целесообразности имеет смысл покупать их в России. В советское время была создана система нефти и газопроводов, которая функционирует и в настоящее время, что существенно удешевляет транспортировку энергоносителей с месторождений. Таким образом, несмотря на спад литовского экспорта в Россию, импорт из России стабилен и составляет четверть всего импорта в Литву¹¹.

Суммируя, можно сказать, что политика Литвы по отношению к России базировалась на двух фундаментальных принципах. Один из них можно охарактеризовать как размежевание, а другой, с известной долей условности, балансированием. Правда состоит в том, что эти принципы и дополняют друг друга, и противоречат, хотя бы отчасти. Действительно, нетрудно провести грань между размежеванием и балансированием в областях суверенитета и безопасности, однако, значительно сложнее сделать это в областях экономики и торговли. Поэтому, каждый раз, когда возникала коллизия между этими принципами, определенное противоречие между подчеркнутым размежеванием Литвы и России в политической сфере и необходимостью развивать взаимовыгодные экономические связи, литовским политикам приходилось решать, какому принципу отдать приоритет. Нечего и говорить, что это объективное противоречие литовской политики по отношению к России

постоянно окрашивалось и обострялось постоянными дебатами между правящим большинством и оппозицией.

Хотя программные установки различных политических партий по основным вопросам отношений с Россией никогда не были настолько противоположны, чтобы привести к принципиальному изменению политики в отношении России, однако, особенно большие противоречия возникли в связи с обсуждением вопроса о компенсации ущерба, нанесенного в годы советской оккупации и нейтрализации российского экономического влияния. 13 июня 2000 г. Сейм принимает Закон о компенсации ущерба, нанесенного в годы советской оккупации, который обязал Правительство ЛР начать переговоры с Россией как с наследницей СССР. Законопроект был инициирован правыми силами во главе с Витаутасом Ландсбергисом и критиковался левыми, которые вскоре пришли к власти, не по сути, а лишь в связи с несвоевременностью момента¹².

Наконец, о принципиальном согласии различных политических сил свидетельствует и тот факт, что до настоящего времени правящее большинство не нейтрализовало эффекта от закона, хотя ясно, что для России достаточно сложно найти связь со своим советским прошлым, и окончательное решение вопроса будет на длительное время заморожено. Таким образом, не стоит переоценивать различий в позициях различных политических сил, так как эти разногласия, как правило, лежат не в плоскости стратегии политики, а в специфических решениях и тактических проблемах их реализации, хотя правые и используют любой удобный случай, чтобы подчеркнуть, что именно они являются настоящими защитниками литовского суверенитета, а, оказавшись в оппозиции, первым делом начинают давить на левых, чтобы последние, не дай бог, не сделали уступок России.

Но, как бы там ни было, по основным политическим вопросам среди основных политических партий наблюдался консенсус, что препятствовало игре России на межпартийных противоречиях. С правыми было невозможно договориться в принципе, а с левыми сделка была невозможна, так как они, несмотря на декларируемые прагматизм и готовность к компромиссам, не могли перешагнуть через основные принципы литовской политики в отношении России и, что еще более важно, отказаться от ориентации Литвы на Запад и конституционно закрепленного запрета на присоединение к каким-либо «восточным союзам» на постсоветском пространстве¹³.

Общественное мнение

Конечно, всегда интересно сравнивать точку зрения политической элиты и принципы, которые ее определяют, с данными об установках общественного мнения в отношении политики правительства. К сожалению, к настоящему времени отсутствуют достаточно точные и систематизированные источники, так как никто не проводил таких исследований. Поэтому придется удовлетвориться фрагментарными данными, которые, конечно, не могут претендовать на исчерпывающую картину.

Согласно исследованию, проведенному компанией по изучению общественного мнения «Балтийос тиримай», в 2000 году более двух третей опрошенных (68%) в качестве угрозы безопасности Литвы рассматривают нестабильность в России. Этот фактор является вторым по значимости угроз (внутренних и внешних) после преступности и коррупции. Более мягко был оценен российский военных транзит через Литву. Его в качестве угрозы назвали чуть более половины (50,6%) респондентов, по степени опасности он оказался на восьмом месте. Нестабильностью в соседнем государстве больше всего озабочены лица со средним и высшим образованием, а военным транзитом – жители городов в возрасте до 50 лет. По сравнению с аналогичным исследованием 1998 г., за эти два года литовское население стало больше опасаться нестабильности в России (+4%) и меньше – военного транзита (-1%)¹⁴.

Компания по мониторингу общественного мнения «Вильморус» 26-30 апреля и 2-5 ноября 2000 г. в рамках ряда других исследований попыталась установить и оценить, какая часть литовского населения ориентируется на Запад (ЕС и НАТО), на Восток (Россию и СНГ), а какая часть населения выступает за нейтральный статус страны¹⁵. Была опрошена репрезентативная выборка в 1016 человек. Результаты следующие:

	26-30. 04. 2000	2-5. 11. 2000
За ориентацию на Запад (ЕС, НАТО)	40.9%	36.5
За нейтральность	33.7%	35.7
За ориентацию на Россию (СНГ)	13.4%	17.9
Затруднились ответить	12.0%	9.9

Та же самая компания «Вильморус» по заказу независимого политического еженедельника «Атгимимас» выполнила исследование в начале 2002 г. Среди 1063 опрошенных на тему о том, с какими странами наиболее полезно поддерживать хорошие экономические и политические отношения, 64% ответили, что нельзя ориентироваться только на одно государство или группу государств, 16,5% считали, что приоритетными странами должны стать Россия и СНГ, 11% отдали голоса западноевропейским странам и только 2% – США¹⁶. Таким образом, мнение представляющих различные социальные группы граждан относительно политического и экономического сотрудничества с Россией согласно опросам, проведенным в различное время, различается несущественно и достаточно благоприятно для России. Однако, другая ситуация наблюдается, если сформулировать вопросы в терминах доверия и безопасности.

В анкету уже упомянутого исследования «Вильморус» 26-30 апреля 2000 г. были включены вопросы о доверии тем или иным странам и организациям. Здесь даны некоторые интереснейшие результаты¹⁷.

Страна / организация	Доверяю	Не доверяю
США	55.5	35.9
НАТО	48.8	34.3
ЕС	56.1	29.0
Россия	36.1	56.8
Беларусь	24.5	64.3
СНГ	27.5	55.6

Таким образом, литовское общественное мнение, т.е. респонденты, делающие выводы только на основании личного опыта и информации из СМИ, без доверия оценивают Россию с точки зрения безопасности. Они обращают внимание на угрожающий характер формирующегося в России политического режима, а также экономическую и политическую нестабильность, однако, в то же самое время, считают необходимым развитие двусторонних отношений. Таким образом, можно заключить, что политика литовского руководства в отношении России более или менее соответствует настроениям, доминирующим в общественном мнении, особенно, в том, что касается внешней безопасности. Однако, наблюдается и позитивное отношение к развитию отношений с соседним го-

сударством, в первую очередь, что касается экономического сотрудничества. Скучные данные социологических опросов не позволяют говорить о существенных различиях между общественным мнением и линией руководства в отношении России. Налицо желание держать дистанцию от России, но не отказываться от взаимовыгодных экономических контактов.

Заключение

Сложно не говорить о российском факторе в литовской политике. Он в избытке везде. Трудно сказать и что-нибудь такое, что может кого-нибудь удивить. Даже не пытаем иллюзии, что нам удалось это в настоящей статье. Что мы попытались сделать, так это представить обобщенную информацию о российском факторе в сегодняшней Литве. Однако, в то же самое время, мы хотели бы привлечь внимание читателя к тому факту, что для полноценной оценки упомянутых данных, более широких выводов на их основе или предоставления рекомендаций, необходимо обратиться к более широкому историческому и геополитическому контексту российско-литовских отношений.

По нашему мнению, нет оснований утверждать, что отношения Литвы и России, по крайней мере, в ближайшее время, пойдут по другому сценарию. Мы думаем, что существенные изменения станут возможными лишь после смены нескольких поколений людей в Литве и России. Будем верить, что будущие поколения найдут аргументы, позволяющие по-иному оценить печальный опыт прошлых взаимоотношений. А пока, к сожалению, можно утверждать, что ничего нового «на фронте» отношений между Литвой и Россией с момента возникновения этих государств в древние времена не появилось.

Известнейший литовский историк Теодор Нарбутт (1784-1864), автор «Истории литовского народа», опубликованной в XIX веке в десяти томах, зафиксировал следующую закономерность российско-литовских отношений, актуальную и по настоящее время. Нарбутт писал в третьем томе своей «Истории», посвященном периоду VI-XII вв. в Литве:

Так или иначе, географические границы между Россией и Литвой в зависимости от в этом мире предназначенной судьбы, как это показывает опыт прошлых и теперешних событий, колеблются как будто брошенные на качающиеся чаши весов судьбы. <...> В зависимости от роста российского могущества менялась и судьба Литвы: усиливающаяся Россия означала упадок Литвы, и наоборот, когда в 12 в. удача от нее отвернулась, настал черед и для Литвы восстановить свои силы¹⁸.

Хотя сегодня между Литвой и Россией качаются не «географические пределы», однако, сложно отрицать, что та же самая логика сохраняет свою актуальность. Литва, потеряв свою независимость в 1795 г. восстановила ее только в 1918 г., когда в России наступил временный хаос. Однако, по мере преодоления внутренних проблем, большевики вернулись к традиционным методам в отношениях с соседями. Сегодня мы располагаем достоверной информацией, почерпнутой из российских архивов, о том, как Советский Союз вмешивался во внутренние дела Литвы, используя соответствующие финансовые схемы для этого¹⁹. Поэтому, неудивительно, что в благоприятной международной ситуации 1940 г. механизм «контроля» над Литвой был легко заменен открытой аннексией и инкорпорацией в СССР при циничной имитации «демократического выбора».

Когда в 1990 г. Россия ослабела, чаша весов склонилась в пользу Литвы, которой было суждено вновь обрести независимость. Но ничего не стоит на месте, Литва и Россия меняются. Литва, конечно, попыталась воспользоваться ситуацией и нагрузить свою чашку весов так, чтобы даже усилившаяся Россия не смогла ее перевесить. Имеется в виду членство Литвы в НАТО и Евросоюзе. Одновременно, на российской стороне мы видим противоречивые и комплексные маневры по перегруппировке и реорганизации. Сначала были надежды, что восстановившаяся Россия будет не только могущественным государством, но и демократической и мирной страной, стремящейся к нормализации отношений со своими соседями, а также разрешению внутренних социальных проблем. Такой исход был бы благоприятным не только для Литвы и ее населения, но и также для Европы и всего мира. Тем более, что для этого есть благоприятные внешние предпосылки. Представляется, что формирование Евро-Атлантического сообщества, которое включит всю Европу, принятие в НАТО и ЕС

малых соседей России могло бы решить извечную проблему «вевос» таким же образом, как в послевоенное время была решена «германская» проблема в Европе.

К сожалению, приходится констатировать, что политическое развитие России в последние годы ставит крест на этих надеждах. Учитывая, что внешняя политика государства является продолжением внутренней, думается, очень скоро очередь дойдет и до ближайших соседей России.

Кажется, что Россия формально еще может пойти по пути дальнейшей нормализации отношений с соседними странами. Принимая во внимание особенную важность исторического геополитического фактора, мы бы рекомендовали руководству России в отношениях со своими малыми соседями подчеркнуть дистанцироваться от печального исторического опыта и не стесняться делать жесты доброй воли. Однако, более вероятным представляется, что сейчас в России сильнее те политические силы, которые стремятся компенсировать потерю Прибалтики направленным на дестабилизацию проникновением во внутривнутриполитическое пространство этих стран. В период процесса по импичменту президента Роландаса Паксаса средства массовой информации представили большое количество свидетельств того, что Р. Паксас и его политическое окружение были тесно связаны с определенными политическими и экономическими интересами, исходящими от компании «ЛЮКойл» и России в целом²⁰. Но эта тема заслуживает отдельного обсуждения, так как важнейшие данные все еще находятся под завесой секретности.

Примечания

¹ Supreme Council of the Republic of Lithuania, Act On the Re-establishment of the State of Lithuania (Vilnius. March 11, 1990. <http://www3.lrs.lt/cgi-bin/preps2?Condition1=50850&Condition2=>).

² Seimas of the Republic of Lithuania. Law on Compensation of Damage Resulting from the Occupation by the USSR. Vilnius. June 13, 2000 (<http://www3.lrs.lt/cgi-bin/preps2?Condition1=104885&Condition2=>).

³ Cf.: CountryReports.org, 2004 Edition (<http://www.countryreports.org>).

⁴ Параграф 3 Ст. 1 Закона ЛССР о гражданстве, принятый 3 ноября 1989 г. декларировал, что гражданами Литовской ССР могут стать лица, которые «до даты принятия настоящего закона включительно, постоянно проживали на территории республики и имели постоянное место работы или иной законный источник дохода; эти лица должны свободно выбрать гражданство в течение двух лет с момента вступления закона в силу».

См.: <http://www3.lrs.lt/cgi-bin/preps2?Condition1=21839&Condition2=>

⁵ Sutartis tarp Rusijos Tarybų Federacinės Socialistinės Respublikos ir Lietuvos Respublikos dėl tarpvalstybinių santykių pagrindų [Договор об основах межгосударственных отношений между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой и Литовской Республикой] // Lietuvos aidas. 31.07.1991 (на литовском языке).

⁶ Cf.: Landsbergis, Vytautas. The Russian Riddle and Lithuanian Reality // Lithuanian Foreign Policy Review. 2000. No. 2 (6). P. 203. Доступно на: <http://www.lfpr.lt/006/a18.doc>.

⁷ Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Lithuania. Lithuania's Foreign policy (http://www.urm.lt/data/2/index_e.php).

⁸ Lietuvos liberalų ir centro sąjungos programa [Программа Союза либералов и центра партии]. <http://www.lics.lt/dokumentai.php>; «TS/LK programa ir veiklos kryptys 1994-1997 metais [Программа и направления деятельности на 1994-1997 гг. «Союза Отечества – литовских консерваторов»] // Lietuvos politinės partijos ir partinė sistema [Литовские политические партии и партийная система], Kaunas: Naujasis laikas, 1997. P. 924; «TS/LK rinkimų programa «Lietuvos sėkmė» [Избирательная программа Союза Отечества – литовских консерваторов «Успех Литвы»] // Lietuvos politinės partijos ir partinė sistema [Литовские политические партии и партийная система]. Kaunas: Naujasis laikas, 1997. P. 999; LKDP rinkimų programa 1996 m. «Tarnauti Lietuvai» [Избирательная программа Литовской христианско-демократической партии «На службе Литве», 1996 г.] // Lietuvos politinės partijos ir partinė sistema [Литовские политические партии и партийная система]. Kaunas: Naujasis laikas, 1997. P. 386-387; Naujosios sąjungos (socialliberalų) programa [Программа Нового Союза (социал-либералов)] (<http://www.nsajunga.lt>) (все – на литовском языке).

⁹ Lietuvos socialdemokratų partijos programa [Программа Литовской социал-демократической партии] (на литовском языке) (<http://www.lsdp.lt/?119370328>).

¹⁰ Department of Statistics of the Republic of Lithuania, «Main Partners of Exports 1996-2002» (<http://www.std.lt/web/main.php?parent=626>).

¹¹ See: Miškinis G. Economic and Commercial Relations Between Lithuania and Russia // Lithuanian Foreign Policy Review. 2002. No. 2 (6). P. 88-89. Доступно на: <http://www.lfpr.lt/006/a11.doc>; Department of Statistics of the Republic of Lithuania. Main Partners of Imports 1996-2002 (<http://www.std.lt/web/main.php?parent=629>).

¹² Kirkilas, Gediminas. Diplomacija pagal konservatorius [Дипломатия по консерваторам] // TS(LK) informacinis biuletenis [Информационный бюллетень «Союза Отечества»]. No. 26. 24.02.2004 (http://www.seimas4.lt/article.php?id_art=274) (на литовском языке); Sekutis R. Atsisakymas praeities: politikai prieš tautos valią [Отказ от прошлого: политики против воли людей] // Atgimimas. 2002. No. 12 (на литовском языке).

¹³ Supreme Council of the Republic of Lithuania, Constitutional Act on Nonalignment of the Republic of Lithuania to Post-Soviet Eastern Alliances (<http://www3.lrs.lt/cgi-bin/preps2?Condition1=21154&Condition2=>).

¹⁴ Цит. по: Janušauskienė D., Novagrockienė J. Perception of Security Issues by Lithuanian Population // Lithuanian Annual Strategic Review 2002. Vilnius: Lithuanian Military Academy, 2003. P. 303.

¹⁵ Данные любезно предоставлены доктором Владасом Гайдисом, директором компании по изучению общественного мнения и маркетинговым исследованиям «Вильморус».

¹⁶ Lietuvos gyventojai nebijo Rusijos [Литовцы не боятся России] // Atgimimas. 2002. No. 43 (на литовском языке).

¹⁷ Данные любезно предоставлены д. Владасом Гайдисом, директором компании по изучению общественного мнения и маркетинговым исследованиям «Вилморус».

¹⁸ Narbutas, Teodoras. Lietuvių tautos istorija. Trečiasis tomas. [История литовского народа. Том третий], Vilnius: Mintis, 1994. P. 243 (на литовском языке).

¹⁹ Butkus Z. SSRS intrigos Baltijos šalyse, 1920-1940 [Интриги СССР в балтийских странах в 1920-1940] // Darbai ir Dienos. 1998. No. 7. P. 141–160; Kasparavičius A. SSRS ir 1926 metų perverimas Lietuvoje: diplomacija prieš demokratiją [СССР и переворот 1926 г. в Литве: дипломатия против демократии] // Lietuvos istorijos metraštis. 1998. P. 115–156; Putelytė G., Vačiulis A. Silpnėse valstybėse gelbsti tik viešumas [Более слабым может помочь только гласность] // Atgimimas. 2003. No. 47 (все на литовском языке).

²⁰ See e.g.: Vasiliauskas V. Slaptoji Rolando Pakso misija [Секретная миссия Роландаса Паксаса] // Ekstra. 2004. No. 5. P. 24-29; Vasiliauskas V. Prezidento arkata: trečiasis epizodas – gangsterių puolimas [Обвинение президенту: третий эпизод – нападение гангстеров] // Ekstra. 2004.

No. 9. P.16-19; Bruveris V. Prezidentui atsakomasis saugumo smūgis: nauji faktai atskleidžia artimos R. Pakso aplinkos glaudžius ryšius su Rusija [Ответный удар секретной службы президенту: новые факты вскрывают тесные связи ближайшего окружения Р. Паксаса с Россией] // Lietuvos rytas. 18.03.2004 (все на литовском языке).

ЭСТОНИЯ И РОССИЯ. ЭСТОНЦЫ И РУССКИЕ

Эстония и Россия стоят на пороге нового этапа межгосударственных отношений: Эстония вступила в НАТО и стала членом Европейского союза. Начавшийся 16 ноября 1988 года процесс выхода из СССР завершился и стал практически необратимым. Новые реалии должны лечь в основу новых же принципов взаимоотношений.

Важнейшим мотивом внутренней и внешней политики эстонских властей с конца 80-х годов и по сей день, был вопрос безопасности эстонского государства и становления национальной элиты. Именно через призму национальной безопасности рассматривалась Россия и русское меньшинство в Эстонии. Обостренные национальные страхи находили свое оправдание в истории XX века и в желании политической элиты гарантировать достигнутое за годы независимости господствующее положение.

Россия и Балтия: разум вместо эмоций

Для стран Балтии Россия все больше становится *terra incognita*. Новым поколениям прибалтийских политиков все труднее прогнозировать – что, как и зачем будет делать их великий восточный сосед, адекватно оценивать побудительные мотивы, принимаемых Кремлем решений, находить в переговорах нужный тон и правильные слова. Вернувшееся к власти в Эстонии «старое» поколение республиканских лидеров (с советским прошлым) тоже ничем не может помочь: изменились не только страны Балтии, изменилась и Россия. Багаж прежних личных связей, знаний и опыта оказался в нынешней ситуации бесполезным, а нового практически нет. Парадокс заключается еще и в том, что многие европейские политики почему-то полагают, что их прибалтийские коллеги обладают лучшим пониманием российской ментальности. Однако это – миф¹.

Более того, интерес к России в среде политического истеблишмента относительно невелик. В течение нескольких последних лет внешнеполитическими приоритетами Эстонии являлись главным образом переговоры о вступлении в ЕС и НАТО, поэтому

МИД и другие ведомства на 99% занимались только этими вопросами. Одновременно, инициатива в отношениях с Россией была упущена. Это произошло на фоне обоюдоострой, зачастую очень эмоциональной риторики.

В то же время, огромный интерес к России проявляют и малый, и крупный бизнес. Представляется, что рост интереса к России после вступления в ЕС и НАТО продемонстрирует и политическая элита, а улучшение отношений с Россией станет в будущем одним из первостепенных внешнеполитических приоритетов Эстонии. При этом важно избавиться от груза эмоций, зачастую, имеющих историческую подоплеку. Здесь можно говорить и о различных оценках периода Второй мировой войны, вхождения / инкорпорации стран Балтии в СССР и т.д. Конечно, препятствием к нормализации отношений будет и субъективный фактор: многим политикам, заявляющим сейчас о необходимости хороших отношений с Россией, будет трудно менять свою политическое реноме, так как в их личной истории был период очень резких высказываний в адрес России.

Эстонская элита в поисках смысла существования

Эстонская политическая элита в стране с населением 1,3 миллиона человек очень немногочисленна и, несмотря на жесткую внутреннюю конкуренцию, имеет больше общего, чем различий. Тем более в области внешней политики, где наблюдается консенсус как относительно необходимости интеграции в ЕС и НАТО, так и в плане развития отношений с Россией. Политическая элита взяла четкий курс на политическое и экономическое размежевание с постсоветским пространством. Наиболее наглядно динамика политического процесса «бегства с Востока на Запад» выразилась в деятельности, судьбе и менталитете президентов Эстонской республики, которые по своему конституционному и политическому статусу являются не столько лидерами местной политической элиты, сколько собирательными образами доминирующих в этой среде тенденций.

Леннарт Меру (президент Эстонии с 1992 по 2001 год) – принципиально беспартийный интеллигент с западными либеральными убеждениями, как и многие и в Эстонии, и в СССР. Пережив за девять лет президентства семь правительств и бесчисленное ко-

личество министров, Леннарт Мери сумел заставить всех их двигаться в одном, только ему понятном, направлении.

Однажды Леннарт Мери признался, что, возможно, «воля эстонца жить суверенным государством значительно слабее, чем у голландца или бельгийца, или – зачем ходить за примером так далеко – у финна». Внутреннюю опору эстонской государственности первый послевоенный президент умудрился заменить – в самый сложный начальный период становления республики – международным имиджем Эстонии как маленькой, свободолюбивой, приверженной либеральным ценностям европейской страны. Именно Мери целенаправленно вел страну к членству в ЕС и НАТО, способствовал установлению тесных связей с США. С другой стороны, есть мнение, что твердое «нет» любым потокам капиталов из России в эстонскую экономику исходило именно из президентского дворца в Кадриорге.

Российская политика Леннарта Мери опиралась, конечно, не на его личные симпатии или антипатии. Жестко и даже жестоко обрывая все связи с Россией, он вел рискованную политическую игру, пытаясь доказать Брюсселю, Вашингтону, Стокгольму, что Эстония не входит и не будет входить в сферу влияния Москвы. Еще в 1987 году, предложив в качестве национальной задачи сохранение эстонского народа, он в 1989 году выступил за добровольную репатриацию инородцев на историческую родину, заложив на десятилетие основу для обвинений Эстонии со стороны Москвы в нарушении прав русскоязычного населения. Языковая политика, гражданство, православная церковь, наконец, – все шло в ход, чтобы дистанцировать Эстонию от России и привязать к Западу, пусть даже за счет потенциальной опасности внутреннего межнационального конфликта.

При всем при этом, Леннарт Мери всегда подчеркивал уважение к российской культуре, при случае говорил на безукоризненном русском языке и не уставал выражать надежду на то, что и на востоке восторжествует европейская демократия. Как только манипулируемые президентом политики перегибали палку, Леннарт Мери отклонял наиболее одиозные версии Закона об иностранцах, о государственном языке, подстегивал работу Круглого стола национальных меньшинств, начинал говорить об интеграции и не стеснялся, если нужно, конфликтовать с парламентом и правительством.

Арнольд Рюйтель (рюйтель – по-эстонски «рыцарь») пытался стать президентом Эстонской Республики трижды. И только третья попытка в 2001 году принесла ему успех. Возглавляя в 80-х года Эстонию, он, как и его литовский коллега Альгирдас Бразаускас, вовремя понял, что, только сделав ставку на достижение государственной независимости, он сможет сохранить свое политическое лицо. Фактически именно он сумел вывести Эстонию из состава Советского Союза без потрясений и кровопролития, поэтому до сих пор многие люди находят в Рюйтеле и символ восстановления независимости, и ностальгические воспоминания о сытой сельской жизни 15-20 лет назад. Арнольд Рюйтель, оставив в 1992 году пост главы государства, избегал активной, наступательной политики и будучи в оппозиции, и находясь со своим союзом селян в правящей коалиции. Осторожность, умеренность, неприятие радикальных политических и экономических реформ сделали его лидером народных симпатий.

В Эстонии Арнольд Рюйтель – политик с самым большим стажем. Депутатом Верховного совета ЭССР он стал в далеком 1968 году. С тех пор он не пропустил ни единого созыва. А 8 апреля 1983 Арнольд Рюйтель был избран председателем Президиума Верховного Совета Эстонской ССР. В 1989 году Арнольд Рюйтель вышел из КПСС, а в феврале 1990 года возглавил Комиссию Верховного Совета по вопросам экономической и политической независимости Эстонии. В последний раз он был практически единодушно избран руководителем страны (Председателем Верховного Совета Эстонии) 3 марта 1990 года и оставался на этой должности до октября 1992 г.

Избрание президентом страны Арнольда Рюйтеля – человека с коммунистическим прошлым – не нанесет урона репутации страны, заявил после выборов министр иностранных дел Эстонии Тоомас Хендрик Ильвес. «Не думаю, что курс Эстонии может сместиться так же, как курс тех восточноевропейских стран, что после восстановления независимости стали склоняться к коммунизму. Европейский Союз понимает, что, согласно конституции, власть в Эстонии находится в руках парламента, а функции президента являются чисто представительскими». Сам же Арнольд Рюйтель в первые дни после избрания на пост президента Эстонии не преминул заявить, что внешнеполитическим приоритетом останется вступление Эстонии в НАТО и Европейский Союз.

Процесс вступления в ЕС и НАТО во многом был построен на антироссийской риторике и противопоставлении Эстонии и России. И если организованного противодействия вступлению в НАТО не было, то движение евроскептиков проявило себя достаточно активно. Борьба с евроскептиками всегда велась под лозунгом: либо ЕС, либо СНГ – третьего не дано. Сворачивание хозяйственных связей со странами СНГ объективно работало на поддержку вступления в ЕС. «В случае если возобладали бы идеи евроскептиков, – подчеркивал Тоомас Хендрик Ильвес, – то перспективы Эстонии – это перспективы Молдовы. Политическое забвение, экономическая изоляция, отсутствие возможности у людей свободно перемещаться по Европе».

Таким образом, фактор России в 1990-е – начале 2000-х годов был использован в качестве средства привлечения международного внимания, интеграции в Евро-Атлантическое сообщество и борьбы с противниками этого пути внутри Эстонии. Как мы увидим ниже, негативизм по отношению к России имел свои последствия и для «русского вопроса», отношения к русскоговорящим меньшинствам в Эстонии.

«Русский вопрос» в эстонской политике: национализм как политический ресурс

«Русский вопрос» в эстонской политике на протяжении 80-х и 90-х годов занимал главенствующее положение. В первую очередь, как фактор эстонского национального самосознания, реализующегося через дихотомии: оккупация – независимость, Россия – Европа, русский язык – эстонский язык, национальная элита – колонисты, собственная культура – безродные мигранты. В общественном сознании эстонцев на протяжении первой половины 90-х годов «имперская Россия», наследница СССР полностью отождествлялась с местными русскими, особенно с бывшими советскими военнослужащими и членами их семей. Отношения с Россией переносились на русское национальное меньшинство, а с другой стороны, проблемы с местными русскими переносились на восточного соседа.

Изначально, восстановленная Эстонская республика создавалась как национальное государство, а политический режим формировался как (моно)этническая демократия. Разумеется, взаимоотношения с русским меньшинством в условиях строительства

этнической демократии порождали конфликты, накладывающиеся на взаимоотношения с Россией.

Принимая решение образовать на территории республики национальное государство, эстонская элита очень рассчитывала на «добровольный исход колонистов». В феврале 1992 года принимается решение о предоставлении гражданства ЭР только гражданам довоенной Республики и их потомкам. Большинство проживавших в стране русских стало сначала фактически, а потом и юридически «лицами без гражданства». Значительную часть из них (примерно 120 тысяч человек) эстонским властям косвенными методами удалось побудить принять российское гражданство, добровольно признав себя «иностранцами». Эстонское большинство знало, что тем самым оно укрепляет свои позиции. Влияние русского меньшинства на официальную политику таким способом было сведено к нулю. Конечно, у русских жителей республики имелась возможность получить эстонское гражданство – для этого достаточно сдать натурализационный экзамен, принести клятву и выждать окончания бюрократической процедуры. Натурализационный экзамен был намеренно усложнен, что, однако, не стало препятствием для его успешного преодоления русскоязычной молодежью. В 1995 году принимается новый Закон о гражданстве с еще более жесткими экзаменационными требованиями. Процесс натурализации резко замедлился. По данным Департамента гражданства и миграции, с 1992 года эстонское гражданство по натурализации получили 116 854 человека. Наиболее урожайными на натурализованных граждан были 1993 г. (20370 человек), 1994 (22474) и 1996 (22773 человека). А, скажем, в 2001 г. натурализовались всего 3090 человек, главным образом, молодежь.

Тем не менее, хотя и не быстро, доля граждан Эстонии растет. Даже в Нарве, населенной преимущественно этническими русскими, граждане Эстонии – самая большая группа среди горожан. В городе с населением почти 70 000 человек на 1 января 2002 года почти 36 процентов были гражданами Эстонии. Лица без гражданства составляли 35 процентов городского населения, граждане России – 29 процентов.

Постепенно меняется и политическая риторика. Уже не слышны характерные для парламентских выборов 1992 и 1995 годов призывы быть «пусть голодными, но свободными», вытеснить «на историческую родину» мигрантов и «оккупантов», отсто-

ять независимость и суверенитет. К середине 1990-х годов в Эстонии в целом сформировалось национальное государство по типу парламентской демократии и подобному порядку ничего не угрожало, ведь 90 процентов граждан были этническими эстонцами. Основными политическими партиями уже на парламентских выборах 1999 и 2003 года констатировалось, что созданные институты эстонского государства обеспечивают основные национальные интересы: эстонскую государственность, эстонскую культуру, эстонский язык. Существует консенсус всех парламентских партий Эстонии о сохранении положения, закрепленного в Конституции 1992 года и в системе конституционных законов (Закон о языке, Закон о гражданстве, Закон об иностранцах), обеспечивающего «приоритет эстонской нации».

Центр тяжести во взаимоотношениях политических партий с избирателями естественным образом сместился с борьбы за национальную свободу и государственный суверенитет (мобилизация своего электората путем создания «образа национального врага») в сторону характерных для устоявшихся демократий дискуссий, по поводу вещей приземленных и прагматичных, не имеющих ярко выраженной национальной окраски. Так, главными темами ожесточенных предвыборных баталий 2003 года стали ставки подоходного налога с частных лиц, индексация пенсий, пособия по рождению и уходу за детьми. Где-то на периферии электорального сознания фигурировали Евросоюз и НАТО, война в Ираке и экономические отношения с Россией.

Постепенно исчерпал себя и ресурс национализма как политического мотива для партий и избирателей. Откровенный национализм и антироссийская риторика прежних парламентских выборов, прежде всего, прикрывали и оправдывали «шоковую терапию» в экономике: как оказалось, во имя долгожданной свободы и в противостоянии «внешнему и внутреннему врагу» – имперским поползновениям России и ее «пятой колонны» в Эстонии – простой эстонец мог какое-то время выносить «прелести» переходного периода. Начиная с 1998 года, официально заявляется (например, в Доктрине национальной безопасности, подготовленной МИД ЭР во главе с министром Тоомасом Хендриком Ильвесом), что реальной военной угрозы (исходящей от России) для Эстонии в настоящее время не существует.

При том, что экономические успехи Эстонии очевидны, а по объему ВВП на душу населения Эстония обогнала не только Литву и Латвию, но и Польшу, за стремительные перемены пришлось заплатить безработицей и социальным расслоением. Экономическая реформа была реализована за счет пенсионеров и русского меньшинства. Последнее к концу переходного периода стало в среднем беднее, чем эстонцы, больше пострадало от структурных реформ и безработицы. Русское меньшинство пережило первый шок от резкого снижения его политического, экономического и культурного статуса, частично согласившись играть по предложенным правилам, а частично уйдя из общественной жизни в частную.

Нельзя сказать, что руководство Эстонии не признает наличие проблемы русскоязычного меньшинства. Попытка переложить ее решение на Россию провалилась, и постепенно возникало признание того факта, что русские могут быть не только балластом, но и ресурсом. В 1997 году после долгого перерыва опять вводится должность министра по делам национальностей. В 1998 году парламент утверждает «Отправные положения интеграции неэстонцев в эстонское общество». Программа была ориентирована, прежде всего, на молодежь, и среди главных задач значилась реформа русской школы и изучение эстонского языка. В самом конце 1999 года назначенные «сверху» члены специальной комиссии предложили первый вариант своей программы интеграции на период 2000-2007 гг. Согласно этому документу, интеграция должна проходить под знаком эстонской культурной доминанты, исходя из конституционных целей и задач государства: в ходе интеграции необходимо обеспечить «гарантии сохранения и развития эстонской национальной идеи».

Формально, никто не запрещает русским в Эстонии сохранять свою культуру и язык. С одной стороны, официальная языковая политика направлена на вытеснение русского из всех сфер общественной жизни. Имеется также план по переводу в этих школах 60 процентов предметов на эстонский язык преподавания. Государственное высшее образование на русском практически упразднено. За всем этим можно разглядеть сохраняющиеся опасения местной элиты за судьбу своего языка: многофункциональный русский может в любой момент вытеснить государственный эстонский язык.

С другой стороны, Эстония вряд ли пойдет на повторение латвийского опыта реформирования образования, а система образования на русском языке функционирует вполне устойчиво, рождая надежды, почти уверенность, что доступные гимназии для национальных меньшинств никуда не денутся. Жесткая языковая политика и достаточно суровое законодательство компенсируется либеральной практикой его применения и тем, что русская молодежь активно овладевает эстонским языком. На бытовом уровне, как правило, не возникает проблем и у старшего поколения, с трудом осваивающего государственный язык.

Этническое противостояние в Эстонии, особенно острое летом 1993 года, когда принимался Закон об иностранцах, а на Северо-Востоке проводился референдум об автономии по приднестровскому образцу, не перешло в стадию насилия. Но это еще может произойти, считает директор Центра информации по правам человека Алексей Семенов. В настоящее время этому нет условий, так как экономика страны быстро развивается, люди тратят много времени и сил на приспособление к изменившемуся миру, а социально-экономическая сегрегация русских проявляется только сейчас. Кроме того, как отмечает Алексей Семенов, «надо отдать должное эстонскому правительству: оно всегда умело вовремя остановиться, не доводить ситуацию до крайности». Однако, вероятность того, что через 15-20 лет подрастет новое поколение, представители которого в условиях социального унижения из конформистов перейдут в стан радикалов, сохраняется.

Первые признаки тлеющего конфликта продемонстрировала неконтролируемая никакими общественными организациями русскоязычная молодежь. В 1999 году у посольства США прошел стихийный митинг против бомбардировок Югославии, ставший полнейшей неожиданностью для властей и широкой эстонской общественности. Примечательно, что до 1999 года русская молодежь гимназического возраста не проявляла никакой политической активности и как бы равнодушно взирала на усилия старших поколений отстаивать свои национальные права. В последний день марта 2003 года опять у посольства США состоялся несанкционированный массовый митинг русскоязычной молодежи против войны в Ираке. Митинг закончился уничтожением автомобиля, при-

надлежавшего сотруднику американского посольства, и был разогнан полицией с применением спецсредств.

В вопросе защиты прав русского населения Прибалтики практически невозможно провести разграничительную линию между российской внешней и внутренней политикой. Балтийские русские становятся фактором политики в самой России и, наоборот, внешняя политика России – фактором внутренней политики в Эстонии. Последнее очень болезненно воспринимается эстонской политической элитой, и препятствует восприятию русских политических и общественных организаций в Эстонии как самостоятельных игроков, а не агентов влияния Москвы, за которыми, разумеется, стоят спецслужбы. Поэтому эстонские политики с порога отвергали и будут отвергать претензии Москвы по поводу нарушений прав русского населения.

Русская политика, русские политики и русский бизнес в Эстонии

В парламенте Эстонии десятого созыва нет русской фракции. По результатам состоявшихся в марте 2003 года последних парламентских выборов, ни одна из двух участвовавших в предвыборной кампании русских партий не смогла преодолеть пятипроцентный барьер. За порогом парламента остались Объединенная народная партия Эстонии (ОНПЭ), набравшая 11 108 голосов (2,24 процента), и Русская партия Эстонии (РПЭ), за которую проголосовало 990 избирателей (0,2 процента). Это при том, что каждый шестой избиратель (18 процентов) – гражданин Эстонии русского происхождения. Большая часть их предпочла проголосовать за кандидатов, представленных в списках больших общенациональных партий. В нынешнем составе парламента шесть русских депутатов (из ста), избранных по спискам Центристской партии, Партии реформ и Res Publica. Означает ли это, что в Эстонии нет перспективы для этнических партий, и у русского национального меньшинства полностью отсутствуют собственные интересы?

Русской фракции в составе Рийгикогу не было с 1992 по 1995 год, как и не было депутатов русского происхождения вообще. Созданные в 1994 году, русские партии вместе (в 1995 году) и порознь (в 1999 году в парламента прошла только ОНПЭ), умудрялись мобилизовать своих избирателей на основе лозунгов защиты прав русских и пройти в парламента. Главным мобилизующим фак-

тором их электоральной поддержки был страх. Страх остаться без работы, потому что ты русский и плохо знаешь эстонский язык. Страх быть вытолкнутым на «историческую родину», где тебя никто не ждет и ты никому не нужен. Страх, что твои дети не смогут получить пристойного гимназического образования на родном языке. Страх перед непонятным «историческим врагом» по имени НАТО.

Страхи не исчезают окончательно, но большинство русских граждан Эстонии бояться перестало. Так называемый русский бизнес в Эстонии – и крупный, и средний, и малый – перестал бояться первым. За двенадцать лет он успешно интегрировался с общенациональными предпринимательскими структурами, нашел общий язык с государством и местными самоуправлениями и играет по принятым для всех правилам.

Вытеснение национально мобилизующих страхов на периферию сознания и побудило 2 марта 2003 года русских граждан Эстонии голосовать исходя, прежде всего, из житейских и практических соображений: за снижение подоходного налога или, наоборот, за прогрессивную шкалу налогообложения, за увеличение детских пособий, пенсий и так далее. Русские политики, перетянутые или сами перешедшие в ряды крупных эстонских партий, увели за собой большую часть прежних избирателей ОНПЭ и РПЭ. Без известных политиков ОНПЭ и РПЭ, опираясь только на очень левые и очень национальные лозунги, выиграть выборы никак не могли. Тем не менее, как считает генсек крупнейшей русскоязычной партии – ОНПЭ, Анатолий Егоров, «неэстонцы нуждаются в своих партиях, в представительстве на политическом уровне – им нужна сила, которая будет открыто говорить об их проблемах».

Результаты парламентских выборов 2003 г. показали, что радикальные национальные лозунги уже не являются определяющими для избирателя, который потребовал золотой середины, в том числе, и в национальной политике. Эстонские партии, даже самые правые, во все большей степени ориентируются на русскоязычный электорат, который, в свою очередь, при голосовании больше ориентируется на социально-экономические, а на национально-этнические критерии. За год после выборов, действующая правящая коалиция (партия Res Publica, Народный союз, Партия реформ) отменила ряд одиозных требований Закона о языке (необходимость периодической пересдачи экзамена на знание государст-

венного языка), несколько либерализовала процедуру натурализации и т.д.

Деньги пахнут?

Власти Эстонии вполне сознательно пошли на сворачивание экономических связей с Россией в целях минимизации экономической зависимости от восточного соседа и создания предпосылок для строительства постиндустриального общества. Политическая элита всячески стимулировала приток в Эстонию западного капитала, в том числе и в стратегически важные отрасли. Поэтому крупнейшие банки страны в основном – шведские, торговые сети – финские, мясопереработка – финско-шведская, в легкой промышленности и приборостроении обосновались опять-таки скандинавы.

Эстонское правительство уже долгие годы исходит из негласной установки не допускать проникновения в страну российского и китайского капитала. За прошедшие годы одна за другой отпадали от участия в конкурсах на приватизацию Нарвских электростанций, завода по переработке урановой руды «Силмет» и многих других объектов фирмы, в отношении которых возникали подозрения о российском происхождении капиталов. Ради этого власти были готовы даже отказаться от приватизации Эстонской железной дороги, отложив продажу акций на неопределенное будущее.

В современной Эстонии нет и русского бизнеса в чистом виде. Предприятия, принадлежащие бизнесменам русского происхождения, интегрированы в общенациональные предпринимательские и бюрократические структуры. В первой половине 90-х годов мелкие и средние русские предприниматели Эстонии пытались, используя политический ресурс, добиться от России преференций в бизнесе и торговле, но фактически их не получили. Крупный же бизнес стратегически ориентировался на местный и европейский рынки.

Лишь в 2003 г. был дан старт первому масштабному эстонско-российскому проекту, который предполагает строительство в Кохтла-Ярве (Ахтме) крупного вагоноборочного предприятия. Компания UVZ & AVR осуществляет данный проект при участии крупнейшего российского производителя вагонов – ФГУП «ПО Уралвагонзавод». Завод ориентирован на производство нефтеналивных цистерн для российского рынка. Приход такого инвестора активизировал и финансовые структуры – крупнейшие банки Эс-

тении расширяют свою деятельность на российском рынке, осуществляя лизинговые схемы, главным образом, для приобретения вагонов. Приходит российский капитал и в транзитную сферу, используя для этого, к примеру, фирмы, зарегистрированные в Финляндии.

Определенную позитивную роль в эстонско-российских отношениях играют стивидорские и транзитные компании. В мягкой форме они постоянно лоббировали решение некоторых проблем двусторонних отношений, в частности, регистрацию Эстонской православной церкви Московского Патриархата. Однако, в условиях благоприятной конъюнктуры, главная ставка делалась на привлекательные условия портового обслуживания для российских экспортеров нефти. Это до сих пор приносит свои плоды.

Однако, застой в европейской экономике на фоне быстрорастущего российского рынка заставляет взглянуть на перспективы сотрудничества с Россией по-новому. Тем не менее, пока официальный Таллин не хочет или не может перестроить свою восточную политику. Целый пакет важнейших межгосударственных эстонско-российских соглашений и в 2004 году продолжает лежать под сукном. С учетом курса России на переориентацию транзита на российские порты и сохраняющийся контроль государства в этой сфере, будущее эстонского транзита во многом зависит от изменений в российско-эстонских политических отношениях. Пока создается впечатление, что Таллинн оставил своих портовиков без политического прикрытия и делает вид, что ничего серьезного на Востоке не происходит.

Заключение

К настоящему времени объективное развитие ситуации в Эстонии создает более благоприятные условия для развития отношений с Россией. Лозунги, направленные против России и русских в Эстонии себя исчерпали как во внешнеполитическом, так и во внутривнутриполитическом контексте. Подошла к концу и война символов. Эстонская православная церковь Московского Патриархата получила официальное признание, а аккуратно почищенный памятник Солдату-Освободителю стоит там, где и стоял – в центре Таллинна.

Вступление в ЕС и НАТО ставит перед эстонской политической элитой вопрос о роли Эстонии в Европе. Рассуждая на эту тему, Президент Арнольд Рюйтель, выступая на торжественной

церемонии, посвященной 86-й годовщине независимости, выразил убеждение, что вступление в ЕС поможет Эстонии стать мостом между Евросоюзом и Россией. Среди здравомыслящих политиков есть понимание того, что невозможно решить все проблемы двусторонних отношений через Брюссель, а значит, альтернативы курсу на улучшение отношений с Россией нет. Как отметил председатель комитета по международным делам Рийгикогу Марко Михкельсон, «не надо думать, что все можно сделать через Брюссель или добиться через международные организации. Важно и желание развивать двусторонние отношения. Я думаю, что дипломатия будет многоплоскостной: и на европейском уровне (например, переговоры об установлении безвизового режима между ЕС и Россией), и конкретные вопросы, которые связаны с двусторонним приграничным сотрудничеством».

Примечания

¹ Впрочем, есть и исключения. Так, Марко Михкельсон, нынешний председатель парламентского комитета по международным делам, несколько лет проработал корреспондентом ведущей эстонской газеты «Постимеэс» в Москве, а затем создал Балтийский центр изучения России.

БИЗНЕС-ФАКТОР В РОССИЙСКО-ЛАТВИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: СОТРУДНИЧЕСТВО И КОНКУРЕНЦИЯ

Экономические интересы обычно играют важную роль в отношениях между соседними странами и рассматриваются в качестве фактора, способствующего стабилизации и нормализации в политической сфере. Применительно к российско-латвийским отношениям, влияние бизнеса на политику не было односторонним, пройдя в результате эволюции несколько основных фаз. В данной статье внимание уделяется характеру влияния интересов российского бизнеса на внешнеполитическую линию России в отношении Латвии, основываясь на предположении, что именно российские политические и экономические интересы являются определяющим фактором российско-латвийских межгосударственных отношений.

1991 – 1997: Сотрудничество и экономическая взаимозависимость

После распада СССР как политическая целостность, так и экономические интересы привели к драматическому уменьшению торговых связей между Россией и Латвией. Вскоре начался период их постепенного восстановления и формализации на рыночной основе, так как западные страны не являлись достаточным рынком для латвийского, в первую очередь, сельскохозяйственного, экспорта.

Таблица 1.

Баланс Латвии в торговле с Россией (в тысячах латов и как доля общего торгового баланса страны)*.

	1992	1993	1994	1995	1996	1997
Экспорт	148,737	200,105	155,719	174,400	181,603	203,587
%	26	29.6	28	25	23	21
Импорт	150,825	181,941	164,178	208,300	258,416	246,946
%	28	28.5	24	22	20	16

*1 лат – около 1,8 доллара США

Источники: Министерство экономики Латвии, Центральное статистическое бюро.

Рынки России и СНГ сохраняли свои важность и как источники энергоресурсов. Различные российские регионы и возникающие бизнес группы были также заинтересованы в развитии экономического сотрудничества с Латвией.

Приоритетным интересом, конечно, оставался доступ к транзитным мощностям. Среди стран Балтии Латвия сохраняла свои лидирующие позиции по перевозке российских минеральных удобрений и химикатов, и, особенно, нефти и нефтепродуктов. В середине 1990-х годов 13-15% экспортируемой российской нефти проходило через Вентспилский порт. В пиковом 1997 году через порты Латвии было перегружено более 28 миллионов тонн нефти и нефтепродуктов¹. Транзитная инфраструктура стала привлекательным объектом для инвестиций, среди которых российские занимали существенную часть. По оценкам, к концу 1990-х годов около 100 российских компаний реализовывали бизнес проекты в Латвии, в первую очередь, в транзитной сфере, что дало 6,9% накопленных прямых иностранных инвестиций². К примеру, только государственный «Транснефтепродукт» инвестировал 61,8 млн. долларов в приобретение 34% акций российско-латвийского СП «Латространс», обеспечивающего функционирование трубопроводной системы Латвии.

Сотрудничество в транзитной сфере было взаимовыгодным, недостаточность собственных перевалочных мощностей в России – очевидна, а потребность в поступлении валюты – велика. В свою очередь, в латвийской экономике транзитный сектор генерировал 20-25% ВВП. Например, в 1997 г. транзит российских нефтепродуктов, составлявший около 60% транзита через Латвию, обеспечил почти 160 млн. долларов поступлений в экономику страны³. Таким образом, можно говорить о возникновении ситуации комплексной взаимозависимости, включающей государственных и негосударственных акторов с российской и латвийской сторон, когда взаимная экономическая заинтересованность способствовала снижению тонаса политической конфликтности⁴. Действительно, несмотря на наличие серьезных противоречий, связанных с выводом российских войск, стремлением Латвии обрести членство в НАТО и, особенно, относительно статуса русскоязычного населения, политического тупика в двусторонних отношениях удалось избежать. Впрочем, как и экономических санкций. В отличие от

Эстонии, Россия предоставила Латвии статус наибольшего благоприятствования в торговле. Российские нефтяные компании играли роль позитивных катализаторов нормализации отношений.

1998-2000: Экономическая взаимозависимость и конкуренция

Ко второй половине 1990-х годов вектор влияния бизнес интересов стал меняться. Это было обусловлено тем, что российские и латвийские группы экономических интересов перешли в фазу взаимной конкуренции. Кроме того, после дефолта 1998 г. российское правительство стало уделять больше внимания экономической компоненте в своей внешней политике и координировать интересы бизнеса с политико-экономическими задачами страны.

Проявлением такой эволюции стал кризис российско-латвийских отношений, наступивший после разгона демонстрации преимущественно русскоязычных пенсионеров в марте 1998 г. в Риге. Представители широкого спектра политических сил в России высказались за введение экономических санкций против Латвии. Мэр Москвы Ю. Лужков даже сравнил политический режим в Латвии с периодом правления Пол Пота в Кампучии, о чем в Латвии не забыли. Определенные действия последовали и со стороны российского правительства, которое с 1 июля 1998 г. отменило преференциальный тариф на железнодорожные перевозки в направлении Латвии. Было отменено и заседание межправительственной комиссии, которая обсуждала, помимо прочего, и соглашение по госгранице, важное для Латвии в контексте вступления в ЕС и НАТО⁵.

Интересы российского бизнеса стали одним из важнейших факторов, определивших ужесточение позиции России в отношении Латвии. Несмотря на принципиальную нацеленность на сотрудничество, инструменты конфронтации и экономического давления были использованы в целях достижения экономических уступок. К 1998 г. у российских нефтяных компаний накопилась неудовлетворенность в связи с высокими транзитными тарифами и нежеланием правительства Латвии передать контроль над крупнейшей нефтетранзитной компанией «Вентспилс нефта» российским фирмам. Ресурсы чисто экономического давления были ограничены, что и показал период 1998-1999 гг. – российские нефтяные компании после некоторого сокращения были вынуждены наращивать транзит через Латвию. Российское правительство не

поддержало предложения Государственной думы о введении санкций против Латвии. Как отмечала газета «Сегодня», это бы привело к эффекту бумеранга, ударив, в первую очередь, по российским же компаниям «ЛУКОЙл» и «ЮКОС»⁶.

Кризис 1998 г. показал, что влиятельные экономические группы в России заинтересованы в политической поддержке государства, а для ужесточения позиции правительства необходимо совпадение политической мотивации и интересов бизнес групп. Кроме того, взаимозависимость в условиях обострения политической ситуации во все возрастающей степени воспринималась как нежелательная зависимость и уязвимость.

Это стало еще одним стимулом к ускорению строительства Балтийской трубопроводной системы (БТС), и частичной переориентации транзита нефти на другие порты, в частности – только что построенный нефтетерминал в Бутинге (Литва). Необходимо признать, что строительство собственных портов на Балтике имеет не только политические причины (стремление уменьшить экономическую зависимость от стран, все больше удаляющихся от России политически), но и экономические, позволяя снизить расходы на транзит и стимулировать конкуренцию в транзитной сфере. Активно лоббировали БТС Ленинградская и Ярославская области, рассчитывая на увеличение налоговых поступлений, рост инвестиций и создание новых рабочих мест. Кроме того, отдельные нефтяные компании, не установившие тесных связей в странах Балтии (например, «Сургутнефтегаз»), стремились получить дополнительные конкурентные преимущества над «ЛУКОЙлом» и «ЮКОСом».

С точки зрения теории комплексной взаимозависимости, в период напряженных политических отношений возникает стремление намеренно уменьшить экономическую взаимозависимость⁷.

Современный этап:

централизация и экономизация внешней политики России

При Владимире Путине в российской политике укрепились те, не всегда однонаправленные, тенденции, которые проявились еще в конце 1990-х годов. С одной стороны, была предпринята консолидация внешней политики, ведущая к ограничению влияния крупного бизнеса. С другой стороны, Концепция внешней политики России (2000) свидетельствует об экономизации внешней поли-

тики России, что, в свою очередь, косвенно повышает значимость интересов бизнес групп.

Как изменилась роль бизнеса и его интересы в области внешней политики? Лояльность по внутривнутриполитическим вопросам позволяет рассчитывать на государственную поддержку на международной арене. Так, российское руководство поддержало создание совместной компаний ТНК – «Бритиш петролеум», а также «ЛУ-Койл» в его борьбе за сохранении контрактов в Ираке, и, наоборот, негативно отнеслось к продаже активов «ЮКОСа» американским инвесторам.

Какие последствия это имеет для отношений с Латвией? С одной стороны, такие раздражающие факторы двусторонних отношений как статус русскоговорящего населения и членство Латвии в НАТО могут постепенно утратить свое бывшее значение. С другой стороны, централизация и экономизация внешней политики не обязательно ведут к политическому сотрудничеству.

Если при Ельцине процесс принятия внешнеполитических решений и определения государственных приоритетов в этой сфере зачастую носил хаотичный и малопредсказуемый характер, а бизнес старался обеспечить свои интересы самостоятельно, больше склоняясь к кооперативному, нежели конфликтному модусу поведения, то при Путине этот расклад может измениться. Повышение степени координации внешней политики делает более вероятным конфронтационный сценарий поведения компаний, реализуемый при поддержке или координации политического руководства. Иллюстрацией этого сценария является давление на Вентспилский порт в 2003 г., когда была полностью прекращена прокачка нефти в направлении порта по магистральному трубопроводу.

Членство Латвии в ЕС и НАТО также пока не привело к улучшению латвийско-российских отношений, как некоторые ожидали. И, даже наоборот, намечилось очередное обострение, проявившееся в высылке российских дипломатов и невыдаче виз известным российским официальным лицам и общественным деятелям. Бизнес группы, кажется, заняли выжидательную позицию, приспособившись к новым внешнеполитическим и экономическим условиям. Будущее покажет, является ли история с Вентспилсом частным случаем переходного периода в двусторонних отношениях или элементом более устойчивой тенденции.

Примечания

¹ Monthly Bulletin of Latvian Statistics. July 1998. No. 6 (49). P. 106.

² Economic Development of Latvia. Report by Latvian Ministry of Economy. December 2000. P. 50.

³ See: Dienas Bizness. February 13, 1998.

⁴ Keohane R.O., Nye J. S., Jr. Power and Interdependence: World Politics in Transition. New York: Addison-Wesley Publishing; 3rd edition, 2000. 352 p.

⁵ Bleiere D., Stranga A. The Latvian Russian Crisis of 1998 // Crisis Management in a Transitional Society: The Latvian Experience / Stern E., Hansen D. (eds.). Stockholm: Swedish National Defense College, 2000. P. 216-259.

⁶ Сегодня. 5 апреля 2000.

⁷ Keohane R.O., Nye J.S., Jr. Op. cit.